

Т 23  
240

158-й  
ПѢХОТНЫЙ

# КУТАЙССКІЙ ПОЛКЪ

ВЪ РУССКО-ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ

1877—1878 Г.

Составилъ Поручикъ СЕМАШКЕВИЧЪ.



САРАТОВЪ.

Типографія Ищенко и К°, Нѣмецкая, домъ Кузнецова.

1883.

№ 158 ПЕХОТНЫЙ

КАТАЛОГЪ

Дозволено цензурою. Москва. 23 декабря 1882 г.

1877-1878 г.

Составилъ Подполковникъ РЕМШЕНКОВЪ



САРАТОВЪ

Типографія Печенко и Ко. Издатель Ком. Казанова.

1882

## ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не длинна боевая дѣятельность Кутаисскаго полка, но въ ней есть такія блестящія страницы (Хафисъ-паша, штурмъ Карса), въ которыхъ — что ни строчка, то отдѣльный подвигъ. Собрать ихъ въ одно тѣмъ болѣе трудно, что дѣла происходили ночью, а, слѣдовательно, видѣть ихъ, кромѣ самихъ участниковъ, никто не могъ...

Но гдѣ-жъ эти сотни, тысячи безвѣстныхъ героев?  
Увы!...

„Однихъ ужъ нѣтъ;  
А тѣ далече!...“

Третьи, ничтожное меньшинство, осталось въ полку. Вотъ почему нарисовать цѣльную, полную до мельчайшихъ, но драгоцѣнныхъ подробностей, — нарисовать, такую картину боевой дѣятельности полка — мало того, что трудно: рѣшительно невозможно.

Теперь работа моя окончена, и я, приступая къ ея изданію, вижу, что трудъ мой, хотя далеко и не полонъ, но, позволяю себѣ надѣяться, будетъ не бесполезенъ родному полку, какъ неумирающій памятникъ его безсмертной славы.



Говорю такъ, потому что давно доказано, какъ необходимо для частей имѣть свои боевыя лѣтописи. Не стану распространяться о ихъ значеніи: важность сохраненія боевыхъ лѣтописей стала азбучной истиной. По желаю только, чтобы предлагаемая книжка распространилась въ полку, чтобы каждый грамотный солдатъ, каждый новобранецъ, обучающійся въ ротной школѣ, могли по ней знакомиться съ подвигами своихъ предшественниковъ.

Тогда можно съ увѣренностью сказать, что, если и до нихъ дойдетъ очередь умирать за Царя и Отечество, они не захотятъ омрачить славу своихъ дѣдовъ, а, напротивъ, озарятъ ее новыми подвигами...

Имена: полковника Баранова, полковника Ѳадѣева, штабсъ-капитана Дынькова, подпоручика Полисадова, фельдфебелей: Шевченко, Морозова, унтеръ-офицера Скобцова и много другихъ, длинный перечень которыхъ занялъ-бы десятки страницъ—такія имена не должны умереть въ памяти Кутаисцевъ, а жить вѣчно, служа назидательнымъ примѣромъ того, какъ всякій воинъ долженъ беззавѣтно отдаваться долгу, забывая о себѣ самомъ, своей семьѣ и помня только присягу.



„Кутаисцамъ Мое особое спасибо за молодецкое дѣло.“

*Слова ГОСУДАРЯ.*

„Благодарю Кутаисцевъ: они показали дорогу къ штурму Карса.“

*Слова ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА главнокомандующаго Кавказской арміи, обращенныя къ раненымъ офицерамъ Кутаискаго полка, послѣ штурма Карса.*

---

## I.

Въ ожиданіи войны.—Мобилизація.—Выступление изъ Саратова.—Военно-грузинская дорога.—Ахалкалаки.—Здоровье полка.—Очеркъ нашей и непріятельской позицій (планъ).

Настала весна 1877 года... Геройское мужество Сербовъ, поднявшихся, какъ одинъ, на своего исконнаго врага, надломилось въ неравной борьбѣ съ турками. Звѣрство побѣдителя, ничѣмъ не сдерживаясь, наводнило весь Балканскій полуостровъ ужасами безчеловѣчной рѣзни, грабежа и насилія...

Обливаясь кровью и слезами, застонала несчастная „райя“ и молила о помощи...

Не говоря объ узахъ племеннаго родства,—одно чувство простаго человѣколюбія требовало вмѣшательства Россіи. Но ни требованія, ни угрозы нашего правительства,—ничто не могло положить предѣлъ возмутительному изувѣрству сыновъ Магомета. Близость войны становилась ясной...

Но вотъ и разразилась гроза! 12-го апрѣля по всеѣмъ концамъ обширной Руси прогремѣлъ мощный кличъ Царя-Освободителя, рѣшившагося снять съ нашихъ единовѣрцевъ оковы вѣковаго рабства.

Въ моментъ объявленія войны, Кутаисскій полкъ, вмѣстѣ съ Имеретинскимъ и 40-й артиллерійской бригадой, былъ расположенъ въ г. Саратовѣ. Откликаясь на призывъ къ оружію, каждый жаждалъ всеѣми порывами души пойти на защиту угнетенныхъ славянъ. Все и вся слилось въ одно лихорадочное ожиданіе. А кто не знаетъ, что въ такія минуты возбужденнаго состоянія дѣлаешься легковѣрнымъ до смѣшнаго; самому заурядному распоряженію придаешь многознаменательное значеніе; всякій нелѣпый слухъ хватаешь на лету. Проходитъ мѣсяць, — нѣтъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній о походѣ; за то слухи, всевозможныя „секретныя“ предписанія, растутъ, какъ грибы, и распространяются съ невѣроятной быстротой...

Наконецъ, судьба сжалилась надъ неопредѣленностью нашего положенія.

18-го мая послѣдовало Высочайшее повелѣніе о мобилизаціи 40-й пѣхотной дивизіи. Извѣстіе это, предвѣщавшее въ недалекомъ будущемъ желанный походъ, было встрѣчено съ всеобщимъ восторгомъ. Въ ротахъ, швальнѣ, лазаретѣ, повсюду закипѣла оживленная дѣятельность.

4-го и 5-го іюня прибыли къ намъ, въ числѣ 1,300 человекъ, запасные нижніе чины.



Кромѣ кадровъ, въ составъ Кутаисскаго полка вошли 155 молодыхъ солдатъ изъ числа предназначенныхъ къ образованію запасныхъ баталіоновъ.

Кадры, уроженцы Саратовской, Самарской и частью Оренбургской губерній, были слѣдующихъ сроковъ службы: 72, 73, 74 и 75 годовъ; новобранцы—набора 76 года и все безъ исключенія Саратовскаго уѣзда.

Тѣ и другіе, составляя ядро полка, по строевой подготовкѣ и по высокому нравственному уровню, стояли выше всякихъ похвалъ.

Запасные нижніе чины, призванные изъ Вятской губерній, преимущественно Котельническаго и Слободскаго уѣздовъ, были различныхъ сроковъ службы: 63, 65, 67, 69, 70 и 71 годовъ.

Служили они въ разныхъ полкахъ армейской пѣхоты. Попадались артиллеристы и кавалеристы, хотя, правда, въ незначительномъ количествѣ. Препжнихъ Кутаисцевъ между ними насчитывалось не болѣе 30 человекъ.

Вишній видъ запасныхъ мало говорилъ въ ихъ пользу. Слабые, хилые, большинство люди пожилые, они выглядѣли плохими вояками. Но что рѣзче всего отличало ихъ на первыхъ порахъ отъ Кутаисцевъ—это фронтная отсталость. Оно, положимъ, и не мудрено: съ тѣхъ поръ, какъ они вышли въ запасъ, многое ушло впередъ, многое совсѣмъ измѣнилось, такъ что имъ стоило большихъ трудовъ сравняться съ кадрами. Однако, къ чести запасныхъ, мы должны сказать, что они, мало по малу, сроднившись съ полкомъ, сдѣла-



лись тѣми чудо-богатырями, какими они показали себя потомъ, при двукратномъ штурмѣ Хафиса и Карадага.

Чины запаса прибыли къ намъ, какъ уже было сказано, за 10-ть дней до выступленія въ походъ.

12-го числа получено приказаніе двинуться по желѣзной дорогѣ въ Харьковъ и, расположившись лагеремъ подъ г. Чугуевымъ, ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Согласно маршрута, полкъ выступилъ изъ Саратова въ 5-ти эшелонахъ и въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-й эшелонъ подъ начальствомъ командира 1-го баталіона, полковника Оадѣева (нынѣ командира полка), выступилъ 15 іюня, въ 10 час. 10 мин. утра; 2-й эшелонъ, подъ начальствомъ маіора Семелевича, въ 7 час. 20 мин., 16 числа; 3-й—подъ начальствомъ маіора Кавецкаго, въ 10 час. 10 мин., того-же числа; 4-й—подъ начальствомъ капитана Моравскаго, въ 7 час. 20 мин. утра, 17 числа, и 5-й—подъ личнымъ начальствомъ командира полка, въ 10 час. 10 мин., того-же числа. Полкъ долженъ былъ двигаться на Тамбовъ, Козловъ, Грязи, Орель, Курскъ и Харьковъ. Численный составъ полка былъ слѣдующій: командиръ полка полковникъ Барановъ, 3 штабъ-офицера, 4 врача и 44 оберъ-офицера \*). Нижнихъ чиновъ, включая въ ихъ число деньщиковъ и нестроевую роту, было 3,040. Лошадей—251.

На молебствіи, бывшемъ на городской площади,

---

\*) Въ Харьковѣ къ намъ присоединились 17-ть подпрапорщиковъ кончивших курсъ въ Чугуевскомъ юнкерскомъ училищѣ. Вскорѣ послѣ перехода полка черезъ границу они были произведены въ офицеры.

за нѣсколько дней до выступленія, — саратовскій преосвященный Тихонъ, отъ лица всего города, поднесъ начальнику дивизіи, какъ представителю войскъ, икону Божіей Матери, которая и теперь хранится въ походной церкви.

Послѣ молебствія, солдатамъ было отъ города предложено угощеніе. Предъ выступленіемъ, Саратовское общество давало всѣмъ офицерамъ прощальный обѣдъ, на которомъ, въ лицѣ своихъ представителей: начальника губерніи, предводителя дворянства, городского головы и другихъ — напутствовало насъ самыми теплыми пожеланіями.

Въ дни выступленія эшелоновъ платформа желѣзной дороги переполнялась народомъ. Плачъ, причитанія женщинъ, звуки прощальнаго марша полковой музыки, все это, сливаясь въ одинъ потрясающій вопль, навѣвало невыразимо грустное настроеніе. Самъ собой напрашивался вопросъ, многіе-ли изъ отъѣзжающихъ увидятъ этотъ вокзалъ, оглашаемый теперь плачемъ жонъ, дѣтей и матерей. Невольно мысль отсюда, отъ этихъ трогательныхъ сценъ разставанья, переносилась туда, въ кровавую даль, и все, что оставалось здѣсь — привязанности, воспоминанія, люди — казалось въ эту минуту особенно дорогимъ...

Зивинскій бой рѣшилъ, въ какую армію, въ Дунайскую или Кавказскую, долженъ былъ попасть Кутаисскій полкъ: 23 іюня, послѣдній эшелонъ, вслѣдствіе экстреннаго предписанія, двинулся въ тотъ-же день, по Харьковско-Азовской желѣзной дорогѣ, во Владикав-



казь. Изъ Саратова Имеретинскій полкъ выступилъ первымъ, онъ стоялъ теперь подъ Чугуевымъ: но мы, не ожидая его, продолжали свой путь и, такимъ образомъ, сверхъ всякаго ожиданія, пошали въ первую голову. При переѣздѣ изъ Саратова до Владикавказа нижніе чины ѣхали въ вагонахъ 3-го класса, или въ товарныхъ, приспособленныхъ къ перевозкѣ войскъ, размѣщаясь по 40 человекъ въ каждомъ; офицеры — въ вагонахъ 2-го класса. Черезъ каждые два дня назначались дневки; горячая пища приготовлялась или отправляемыми впередъ кашеварами, или-же по распоряженію воинскихъ начальниковъ, которымъ объ этомъ давалось знать по телеграфу.

Во Владикавказѣ мы провели только сутки, а дальше пошли по военно-грузинской дорогѣ.

Походъ этотъ былъ значительно труднѣе, чѣмъ спокойное и удобное движеніе по желѣзной дорогѣ.

Хотя военно-грузинская дорога сама по себѣ — превосходное и едва-ли не единственное въ своемъ родѣ шоссе, но висящія надъ нами облака пыли и палящіе лучи южнаго солнца давали себя сильно чувствовать. Въ особенности были несносны первыя станціи, потомъ „обтерпѣлись“ и безъ труда переносили непривычный зной.

Въ Мцхетѣ, во время посадки нижнихъ чиновъ въ вагоны, мы впервые увидѣли раненныхъ: они ѣхали въ санитарномъ поѣздѣ и не надолго остановились на станціи. Солдаты обступили раненныхъ: и съ благоговѣйнымъ любопытствомъ засматривая имъ въ глаза,



старались наперерывъ одинъ передъ другимъ предупредить ихъ малѣйшее желаніе.

До Михайловской станціи мы двигались по Поти-Тифлисской желѣзной дорогѣ, а оттуда до Александрополя снова пошли пѣшкомъ. Эшелонъ, находившійся подъ начальствомъ полковника Ѡадѣева, не доходя версты двѣ до Боржома, имѣлъ счастье встрѣтить въ паркѣ Августѣйшее семейство Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго Кавказской арміи. Его Высочество Великій Князь Михаилъ Михайловичъ, пропустивъ мимо себя баталіонъ, здоровался съ каждой ротой, благодарилъ солдатъ за молодецкій видъ, и, подавъ руку полковнику Ѡадѣеву, изволилъ выразить свое удовольствіе за хорошее состояніе людей.

Войска, проходившія черезъ Боржомъ, угощали чаемъ на средства Великаго Князя.

Кромѣ того, воспитатели Великихъ Князей лично отъ себя присылали для солдатъ чаю и сахару. Чай, въ присутствіи членовъ Августѣйшей семьи, приготовляли и раздавали сестры милосердія Краснаго Креста.

Изъ Боржома до Ахалкалакъ шли по только-что проведенной между горами кратчайшей дорогѣ. Съ утра погода была отличная, но къ вечеру надвинулись тучи и сталъ моросить мелкій, частый дождь. Тутъ-то въ первый разъ пришлось помучиться съ обозомъ: рыхлая земля обратилась въ невылазную грязь, колеса вязли по ступицу, измученныя лошади останавливались по-минутно, — телѣги приходилось втаскивать на плечахъ солдатъ.

Въ Ахалкалакахъ, куда полкъ прибылъ черезъ три дня, Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, съ супругой своей Великой Княгиней Ольгой Ѳедоровной, изволилъ осмотрѣть полкъ и, оставшись довольнымъ бодрымъ видомъ людей, благодарилъ офицеровъ и солдатъ. Полковникъ Барановъ съ баталіонными командирами удостоены были приглашенія на обѣдъ.

Въ Александрополѣ мы сдѣлали дневку и 20 іюля выступили въ Кигачъ (въ 20 верстахъ отъ Александрополя).

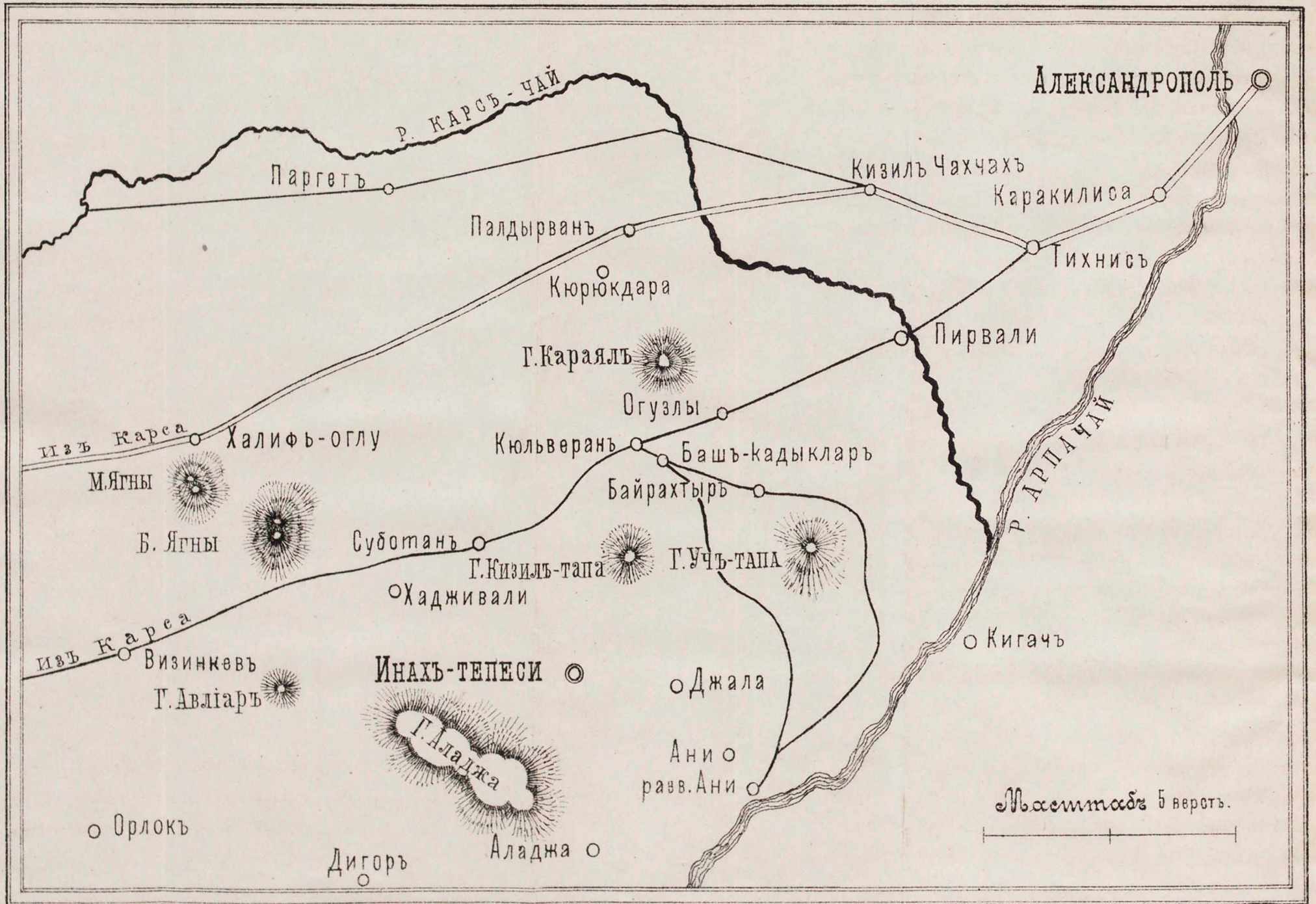
Здоровье полка до выступленія изъ Владикавказа находилось въ хорошемъ состояніи. Не столько рѣзкая перемѣна климата, сколько, главнымъ образомъ, нездоровая вода, какую мы пили въ продолженіи похода по военно-грузинской дорогѣ, была причиной появившихся болѣзней. Чистая, прозрачная вода эта, крайне вредно отзывалась на желудкѣ, а между тѣмъ страшная жара такъ и манила къ ней. По неимѣнію цифровыхъ данныхъ, мы не можемъ опредѣлить точно процентъ заболѣванія. Одно можно сказать съ полной достовѣрностью, что болѣзни эти, ограничиваясь лишь общимъ изнуреніемъ, не влекли за собой смертныхъ случаевъ. Впослѣдствіи, когда полкъ присоединился къ дѣйствующему корпусу, развившееся въ легкихъ формахъ, разстройство желудковъ приняло губительные размѣры эпидеміи.

Къ числу главныхъ причинъ, благопріятствовавшихъ здоровью нижнихъ чиновъ, нужно отнести пита-











тельную пищу. Приварочныхъ денегъ выдавалось на каждаго по 16<sup>1</sup>/<sub>2</sub> коп., и поэтому, не смотря на трудное добываніе съѣстныхъ продуктовъ и многія, чисто хозяйственныя, препятствія, пища не оставляла желать ничего лучшаго.

Переправившись 21-го іюля вбродъ черезъ рѣку Арпа-Чай, Кутаисскій полкъ расположился лагеремъ на Турецкомъ берегу. Простоявъ здѣсь три дня, вошелъ въ составъ авангарднаго отряда, находившагося подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Девеля.

Скажемъ, въ общихъ чертахъ, о положеніи дѣлъ Кавказскаго дѣйствующаго корпуса, на подкрѣпленіе котораго шла 40-я пѣхотная дивизія.

Начавъ компанію быстрымъ занятіемъ Турецкихъ областей, достигнувъ къ концу втораго мѣсяца подножія Драмъ-Дага и Саганлуга, гдѣ сосредоточивалась непріятельская армія, наши войска къ концу третьяго мѣсяца вынуждены были занять оборонительное положеніе....

По снятіи нами осады Карса, Мухтаръ-Паша, съ 40 тысячной арміей, расположился по всей горной цѣпи, идущей отъ Карса до Арпа-Чая. На самой высокой и неприступной части этой цѣпи, на горѣ Аладжа, лежащей въ 7-ми верстахъ отъ (Александрополя) р. Арпа-Чай, находились главныя силы противника—приблизительно, 25 тысячъ человѣкъ.

Позиція турокъ представляла собой обширный укрѣпленный лагерь, въ которомъ крѣпость Карсъ на лѣвомъ флангѣ и Аладжа на правомъ составляли главные опорные пункты; все-же прочія укрѣпленные высоты: Инахъ-Тапеси, Авліаръ, Визинкевъ, Большая и Малая Ягны, служили какъ-бы отдѣльными фортами. Казалось невозможнымъ открытой силой брать эти твердыни съ обрывистыми, отвѣсными скатами, усиленными ложементами, траншеями и батареями.

Но, съ другой стороны, позиція Турокъ имѣла существенные недостатки.

Мы имѣемъ въ виду, преимущественно, ея чрезмерную растянутость и разобщенность.

Наша позиція отстояла отъ турецкой верстахъ въ 14-ти и отдѣлялась отъ нея равниной и двумя горами: Большая и Малая Ягны. Наиболѣе удаленный отъ непріятеля, правый флангъ нашей позиціи, расположенный у Кюрюкъ-Дара и Полдырвана, былъ занятъ главными силами.

Тутъ-же, у Кюрюкъ-Дара, пріютились походныя гостинницы, лавки и базаръ; здѣсь-же находились госпитали, артиллерійскіе парки, интендантскіе склады, а также—нѣкоторыя части войскъ, составлявшія прикрытіе вагенбурга.

Возлѣ Кюрюкъ-Даринскаго лагеря, съ лѣвой стороны, подымалась высокая холмообразная гора Караль, на которой выставлялись аванпосты отъ главныхъ силъ.



Съ западной оконечности этой горы отлично были видны правый турецкій флангъ (Аладжа) и часть центра, поэтому на Караяль стояла палатка и въ ней великолѣпная подзорная труба, въ которую постоянно наблюдали, нарочно для того назначенные, топографы.

Лѣвая-же половина непріятельскаго расположенія, до самаго Визинкева, совершенно скрывалась горою Большая Ягна и отчасти другими возвышенностями; вслѣдствіе этого, съ горы Караяль нельзя было видѣть, что дѣлается у турокъ со стороны Карса, тогда какъ туркамъ, съ ихъ высотъ, открывалась вся наша позиція.....

Въ половинѣ іюля приступили къ возведенію на горѣ Караяль незначительныхъ укрѣпленій и, кромѣ того, на ней размѣстилась часть Кавказской гренадерской дивизіи.

Лѣвый флангъ былъ расположенъ противъ Аладжа, у сел. Башъ-Кадыкъ-Ляръ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Девеля. Лагерь при Башъ-Кадыкъ-Ляръ, хотя и назывался авангарднымъ, какъ ближе расположенный къ турецкимъ позиціямъ, но въ сущности въ немъ сосредочивалось, принимая въ расчетъ и кавалерію, болѣе силъ, нежели въ Кюрюкъ-Дара.

Верстахъ въ 4-хъ отъ Башъ-Кадыкъ-Ляра возвышалась огромная гора Кизиль-Тапа, на которую выдвигались аванпосты отъ авангарднаго отряда.

Лѣвѣе Башъ-Кадыкъ-Ляра, ближе къ рѣкѣ Арпа-Чай, приходилась гора Учъ-Тапа, занятая нами не рабѣе половины августа.

Крѣпость Александрополь, въ 15 верстахъ позади центра нашей позиціи, служила для русскихъ войскъ опорнымъ пунктомъ....

Турецкій главнокомандующій все обдумывалъ, какъ бы ему врасплохъ ударить на враговъ или вовлечь ихъ въ какую нибудь ловушку. Генераль Лорисъ-Меликовъ, съ своей стороны, выжидалъ подкрѣпленій, такъ какъ силы наши, значительно уступая численности непріятеля, были недостаточны для наступательныхъ предпріятій.

---

## II.

Дѣло 1-го августа.—Движеніе въ Ани и обратно.—Дѣло 6-го августа — Дѣло 13-го августа.—Болѣзни.—1-е сентября.

Съ вечера 1-го августа полкъ получилъ приказаніе выступить съ разсвѣтомъ на рекогносцировку праваго фланга укрѣпленной позиціи (Инахъ-Тапеси).

На разсвѣтѣ полкъ, дойдя къ указанному мѣсту, перестроился въ боевой порядокъ. Артиллерія наша открыла огонь, на который турки отвѣчали вяло. Къ 3 часамъ по-полудни Кутаиссецы вернулись къ мѣсту своего расположенія — сел. Башъ-Кадыкъ-Ляръ, — не понеся никакихъ потерь.

2-го августа Кутаиссецы двинулись къ развалинамъ г. Ани, составлявшаго опорный пунктъ лѣваго фланга нашей позиціи. Войска, занимавшія Ани, отзывались для усиленія Эриванскаго отряда и только ждали Кутаиссецевъ, чтобы тронуться въ путь.



Кутаисцы прибыли въ Ани вечеромъ того-же дня и, принявъ отъ уходившихъ войскъ позиціи, выставили аванпосты....

Насколько намъ извѣстно, занятіе г. Ани было вызвано необходимостью воспрепятствовать туркамъ прорываться за нашу границу. Но едва мы, поставленные въ очень невыгодныя тактическія условія, могли исполнить эту задачу.

Начать съ того, что здѣсь насъ было всего-на-всего: полкъ пѣхоты и батарея артиллеріи — сила ничтожная противъ праваго фланга непріятельскаго расположенія, отстоящаго отъ насъ не далѣе 5 верстъ, тогда какъ ближайшая наша поддержка, авангардный лагерь, находилась слишкомъ въ 20 верстахъ. Наконецъ, всѣ выгоды позиціи были на сторонѣ непріятеля: расположенный на Инахъ-Танеси, онъ значительно командовалъ нами; въ тылу у насъ — обрывистый берегъ Арпа-Чая, справа — узкія проселочныя дороги, при первомъ дождѣ, обращавшіяся въ тонкую грязь, слѣва мы непосредственно примыкали къ развалинамъ Ани, которыя какъ-бы заслоняли проходъ между Аладжа и Арпа-Чай.

Вообще, наше положеніе было не изъ хорошихъ, и туркамъ ничего не стоило отрѣзать насъ. Слава Богу, что они удовлетворялись легкой перестрѣлкой съ аванпостами....

Съ утра 4-го августа все небо заволклося тучами, пошелъ дождь: мелкій, съ холоднымъ вѣтромъ....

Вечеромъ, когда роты смѣнялись съ аванпостовъ, пришло приказаніе—двинуться обратно въ Башь-Кадыкъ-Лярь.

Пока дали объ этомъ знать на аванпосты, пока вернулись люди, шленая по колѣно въ грязи,—прошло добрыхъ часа два. Только часамъ къ 9-ти вечера полкъ насилу собрался и покинулъ Ани. Дождь полилъ, какъ изъ ведра: въ нѣсколько минутъ вся одежда промокла до послѣдней нитки. Громъ гремѣлъ, не переставая.... Ослѣпительныя молніи освѣщали турецкую позицію, чернѣвшую въ какихъ нибудь верстахъ 5-ти... Ночь была темная, холодная....

Отъ Ани въ Башь-Кадыкъ-Лярь вели двѣ дороги: одна кратчайшая, въ виду непріятеля, другая, верстъ на 15-ть длиннѣе, шла по берегу Арпа-Чая.

Сначала мы шли по первой, но начальникъ Аниинской колонны, генераль Ореусъ, найдя движеніе наше вблизи турокъ очень рискованнымъ, приказалъ свернуть на другую. Чтобъ попасть на нее, пришлось проходить вспаханнѣмъ полемъ... Началась пытка: орудія и телѣги стали съ перваго шага, пошла въ ходъ родная „дубинушка“,—и, само собой разумѣется, о порядкѣ и тишинѣ не могло быть и рѣчи. Люди и лошади изнурились до крайности. На остановкахъ солдаты валились прямо въ грязь и засыпали мертвымъ сномъ... Досталось всеѣмъ въ эту достопамятную ночь. Больныхъ, однако, не было. Изнурительность движенія будетъ понятна, если сказать, что въ продолженіи всей ночи, т.-е. 12—13 часовъ, мы прошли толь-



ко двѣ версты!... На 15-ть версть кругомъ не было нашихъ войскъ. Удивительно, чего зѣвали турки! Сдѣлай нападеніе, они много-бы натворили бѣдъ.

Но, къ счастью, турки, должно быть, не замѣтили пасъ, и мы къ 12 часамъ слѣдующаго дня благополучно прибыли въ Башъ-Кадыкъ-Ляръ.

На 6-е августа была назначена усиленная рекогносцировка всей позиціи арміи Мухтаръ-паша. Для этого отдано было слѣдующее приказаніе: „завтра, 6-го августа, по распоряженію корпуснаго командира, предполагается совершить движеніе впередъ, съ перемѣной нынѣ занимаемой авангардомъ позиціи. Для сего всѣмъ войскамъ авангарда съ ночи приготовить людямъ по 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> ф. мяса и на два дня сухарей, которые они должны взять съ собой; въ 2 часа утра снять весь лагерь и уложить въ фургоны. Всему обозу, кромѣ патронныхъ ящичковъ и санитарныхъ каретъ къ 3-мъ часамъ утра перейти на лѣвый берегъ Маврякъ-Чая и сосредоточиться въ лагерномъ мѣстѣ Кубинскаго казачьяго полка. Весь обозъ поступаетъ въ вѣдѣніе маіора Конарева, которому распорядиться установкой его въ порядкѣ, преимущественно покоемъ. Телеграфному парку и подвижнымъ лазаретамъ оставаться на своихъ мѣстамъ, такъ равно и летучему парку.

„Въ началѣ будетъ сдѣлано движеніе впередъ съ цѣлью рекогносцировки, а затѣмъ занятіе новой позиціи для лагернаго расположенія.

„Кутаисскій полкъ, совместно съ двумя баталіонами Имеретинскаго полка, подъ непосредственнымъ началь-

ствомъ начальника 40-й пѣхотной дивизіи, переходятъ на правый берегъ Маврякъ-Чая, противъ праваго фланга лагернаго расположенія Имеретинскаго полка, и выстраиваются въ боевой порядокъ“.

Чуть только занялась заря, Кутаисскій полкъ выступилъ изъ лагеря. Поровнявшись съ Кизиль-Тапой, полкъ перестроился въ боевой порядокъ: 3-й баталіонъ, имѣя 3-ю стрѣлковую роту въ цѣпи,—находился впереди, по-ротно въ двѣ линіи.

Проходимъ еще версты двѣ. Совсѣмъ уже разсвѣло, а турки все нестрѣляютъ. Прошли еще версту, остановились. Турки молчатъ. Что за оказія? Хитрятъ, думаемъ себѣ:—хотятъ заманить къ себѣ поближе. Пошли догадки и предположенія...

Но вотъ на скатѣ Аладжи взвился бѣлый дымокъ, вотъ онъ медленно расплывается въ длинное, прозрачное облачко. Спусти нѣсколько мгновеній, надъ нашими головами раздается пронзительное шипѣнье. Всѣ, вдругъ, смолкли, притаились..... Что-то будетъ? Судорожно замелькали руки, творя крестное знаменіе. Граната грузно шлепнулась шагахъ въ 150 отъ насъ и, далеко уйдя въ рыхлый грунтъ, глухо разорвалась. Жертвъ, слава Богу, не было. Выходило на дѣлѣ, что турки нисколько не хитрили, а просто-на-просто спали и только-что замѣтили насъ.

За первой гранатой полетѣла другая, третья. Наша артиллерія не оставалась въ долгу: завязалась орудійная перестрѣлка.



Мы стоимъ на одномъ мѣстѣ. Потерь пока нѣтъ, хотя турки не жалѣли снарядовъ и успѣли порядочно пристрѣляться.

Правѣ насъ, подѣ Большими Ягнами, шелъ серьезный бой; ружейная трескотня по вѣтру доносилась и до насъ.

Передъ нашей цѣпью возвышался холмикъ; мы не замѣтили, какъ, отдѣлившись отъ толпы баши-бузуковъ, стоявшихъ около Инахъ-Тапеси, нѣсколько человѣкъ заскакали за него и теперь, спѣшившись, открыли по насъ частый и беспорядочный огонь. Такое нахальство баши-бузуковъ объяснялось тѣмъ, что они замѣтили въ нашемъ отрядѣ отсутствіе кавалеріи: она была раздѣлена по флангамъ. Стрѣлять въ смѣльчаковъ намъ нельзя было, такъ какъ они засѣли за камни, были совершенно невидимы, а мы, находясь на открытой мѣстности и притомъ лежащей ниже холма, могли нести большія потери.

Скоро на поддержку ихъ направилось еще нѣсколько человѣкъ; дѣло могло принять непріятный оборотъ. Надо было исправить свою оплошность и какъ можно скорѣй занять горку. Человѣкъ десять солдатъ, съ подпоручикомъ Тхоржевскимъ во главѣ, бросились бѣгомъ на возвышеніе. Турки сдѣлали нѣсколько तोропливыхъ выстрѣловъ и, недождавшись нашихъ, ускакали. Фельдфебель Гуровъ, лучшій стрѣлокъ въ ротѣ, моментально опустившись на колѣно, выстрѣлилъ.

Одинъ изъ баши-бузуковъ упалъ на сѣдло, но скакавшій рядомъ съ нимъ товарищъ, подхватилъ его и умчалъ къ своимъ.

— Убилъ, ей Богу, убилъ, ваше благородіе, закричалъ фельдфебель, вскакивая и размахивая руками.

— Ай-да, Андрей Егорычъ, ловко! одобрительно замѣтили солдаты.

Это былъ первый выстрѣлъ въ нашемъ полку и такой удачный! Примѣта хорошая!...

Между тѣмъ, впереди и влѣво засѣли сѣшившіеся турки и открыли по насъ довольно сильный огонь: пули то и дѣло посвистывали вокругъ; но мы имъ не отвѣчали, такъ какъ стрѣлять на такую дистанцію въ одиночныхъ людей было не въ нашихъ правилахъ....

Спускались сумерки. Войска наши, подойдя къ Инахъ-Тапеси, стали отступать.....

Турецкія позиціи необыкновенно оживились, зарокотали гранаты, падая то въ цѣпь, то въ колонны; турки до того ободрились, что не на шутку насѣдали, и только залпы да учащенная стрѣльба сдерживали ихъ.

Отступивъ къ Кизиль-Тапа, мы встрѣтили командующаго корпусомъ, генерала Лорисъ-Меликова.

— Ну, что, ребята, не страшны турецкія гранаты? — поздравившись, обратился онъ къ солдатамъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокопревосходительство — весело и не безъ гордости отвѣчали они.

И, дѣйствительно, только первыя гранаты заставляли солдатъ „кланяться“, а потомъ обстрѣлялись, и никто на нихъ не обращалъ вниманія.



Такое поведеніе солдатъ, подъ первымъ сильнымъ огнемъ, было, по мнѣнію опытныхъ воякъ, хорошимъ предвѣстникомъ, что и незамедлило оправдаться.

За Кизиль-Тапа, возлѣ дер. Кюльверанъ, мы остановились и разбили палатки.

Рекогносцировка 6 августа раскрыла отчасти силы и расположеніе противника.....

Въ дѣлѣ 6 августа, бывшемъ для насъ днемъ боеваго крещенія, впервые обнаружилась негодность крынковскихъ ружей, которыми была вооружена 40-я пѣхотная дивизія.—сравнительно съ превосходными турецкими Пибоди. Существенный недостатокъ нашихъ ружей состоялъ въ томъ, что экстракторъ, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, не дѣйствовалъ, гильзу приходилось выколачивать помпучомъ; поэтому стрѣльба въ высшей степени замедлялась, и стрѣлокъ терялъ вѣру въ ружье.....

Но полная несостоятельность нашихъ винтовокъ сказалась во всемъ блескѣ 20 сентября. А какъ мы на нихъ надѣялись! Какъ мы ихъ воспѣвали въ извѣстной солдатской пѣснѣ: „ужь ты, другъ, моя винтовка!.....“

Изъ Кюльверана, ночью 9 числа, нашъ 1-й баталіонъ, присоединившись къ Елисаветпольскому полку, подъ начальствомъ полковника Амираджибова, ходилъ въ прикрытіе кавалеріи, произведшей поиски къ Субботану.....

Выставляя аванпосты и оберегая Кизиль-Тапа отъ нечаяннаго нападенія (въ чемъ собственно и состояло

прямое назначеніе полка), Кутаиссы простояли на позиціи до 11 августа, т.-е. ровно 5-ть дней.

11-го числа, около 4-хъ часовъ по-полудни, получено было приказаніе снять палатки и присоединиться къ авангардному лагерю. Часовъ въ 5-ть полкъ двинулся въ Башъ-Кадыкъ-Дяръ, тутъ мы встрѣтили два полка—Дербентскій и Абхазскій, стоявшіе въ полной готовности къ выступленію, на поддержку отряда генерала Тергукасова. По выступленіи поименованныхъ полковъ, Кутаиссы заняли ихъ мѣста.

Полкъ составилъ ружья и солдаты принялись разбивать палатки. Только къ ночи все успокоилось, устроилось и, подославъ подъ себя тощую шинельку, уснуло.....

На слѣдующій день, полкъ совмѣстно съ Гурійцами и Севастопольцами, велѣдствіе полученнаго экстреннаго предписанія, отошелъ къ главной квартирѣ, расположенной въ Кюрюкъ-Дара.

Послѣ долгихъ хлопотъ, суеты и путаницы, являвшихся непріятнымъ, но постояннымъ спутникомъ всевозможныхъ передвиженій,—полку указали его мѣсто, и онъ расположился на ночлегъ..... Ночью весь лагерь былъ встревоженъ ружейнымъ трескомъ и неумолкаемымъ гуломъ орудійныхъ выстрѣловъ, явственно доносившихся со стороны Кизиль-Тапа.....

Всѣ повыскакали изъ палатокъ....

Что такое? что случилось? посыпались отъ всюду тревожные вопросы... Ничего неизвѣстно. Но что-то недоброе слышалось въ этихъ отдаленныхъ раскатахъ. Съ



мучительнымъ предчувствіемъ разошлись по палаткамъ.....

Непріятнал ночь!....

Но вотъ одна по одной погасли на небѣ звѣзочки... Въ палаткахъ закопошились: кашель, говоръ, возня... Горнисты торопливо протрубили утреннюю зорю...

Раззвѣтаеть.

По лагерю проносится роковая вѣсть: Кизиль-Тапа, охраняемая баталіономъ Имеретинцевъ, взята турками. Имеретинцы пытаются вернуть ее; но.... тутъ уже шли разнорѣчивые толки. Бѣдные Имеретинцы! Что-же не ведутъ на выручку!

Въ ожиданіи особаго распоряженія, командиръ полка приказалъ ротамъ быть на готовѣ.

Прискакиваетъ вскорѣ ординарецъ командующаго корпусомъ и сообщаетъ, что полку приказано оставаться въ лагерѣ, на выручку-же Имеретинцевъ послано два баталіона того-же полка и Севастопольцы.

До 7-ми часовъ мы не трогались съ мѣста.

Перестрѣлка ни на минуту не умолкала, а по временамъ еще болѣе усиливалась, подъ глухіе звуки орудіяныхъ выстрѣловъ.

Въ 7 часовъ получено было приказаніе выступить. Батальоны стройно, другъ за другомъ, двинулись усиленнымъ маршемъ.

Часовъ въ 10 показались дымки непріятельскихъ батарей, показалась Кизиль-Тапа, окутанная дымомъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Смотримъ — и не вѣримъ глазамъ: она занята турками. Чувство досады и мести овладѣваетъ каждымъ.....

Къ полдню, наша цѣпь, резервы и батареи видѣлись совершенно ясно. Пока полкъ оставался въ резервѣ, находясь внѣ ружейнаго огня, но гранаты зачастую попадали въ колонны. Черезъ нѣсколько времени командиръ полка приказалъ 2-му и 3-му баталіонамъ занять лѣвый флангъ боевой линіи. Раздалась соответствующая команда, и два баталіона въ полъ-оборота двинулись въ указанномъ направленіи: 1-й — подъ начальствомъ полковника Оадѣева остался въ резервѣ, 2-й и 3-й баталіоны, дойдя до общей линіи, выслали цѣпь и разошлись по-ротно; затѣмъ вся линія, осыпаемая гранатами, двинулась впередъ. Наступленіе продолжалось  $\frac{1}{2}$  часа. На правомъ флангѣ шла оживленная перестрѣлка; лѣвый-же, — гдѣ находились наши баталіоны, — молчалъ. Фронтъ лѣваго фланга былъ обращенъ къ Кизиль-Тапѣ, фронтъ праваго — къ Аладжамъ и Большимъ Ягнамъ.

Въ скоромъ времени къ 1-му баталіону подъѣхала 2-я батарея 40-й артиллерійской бригады и расположилась между 2-мъ и 3-мъ баталіонами. Баталіонъ перестроился по-ротно въ двѣ линіи; 1-я стрѣлковая рота находилась въ интервалѣ.

Артиллерія открыла огонь по Кизиль-Тапѣ, куда турки, къ не малому нашему изумленію, успѣли втащить вѣсколько орудій. Большое спасибо нашей артиллеріи: она своей мѣткой стрѣльбой разгоняла мрач-



ное настроеніе; но одинъ особенно удачный выстрѣлъ вызвалъ по всей линіи всеобщій восторгъ: граната попала въ непріятельскій зарядный ящикъ; камни, обломки взлетѣли на воздухъ и густой дымъ долго стоялъ надъ Кизиль-Тапой.

На правомъ флангѣ перестрѣлка все еще продолжалась, и оттуда проносили на перевязочный пунктъ много раненныхъ; у насъ-же дѣло ограничилось одной артиллерійской перестрѣлкой, не причинившей намъ, впрочемъ, никакого вреда....

День былъ въ высшей степени знойный, въ раскаленномъ воздухѣ—хоть-бы малѣйшее дуновеніе вѣтерка. Вокругъ—ни деревца, ни кусточка—все выжженные поля и камни, камни... Жажда мучительная, страшная. Богъ знаетъ, чтобы каждый изъ насъ далъ за глотокъ воды!... Но гдѣ его достать?

Часа въ три по-полудни ружейный огонь на правомъ флангѣ смолкъ, только отъ времени раздавались орудійные выстрѣлы. Въ это время показалась колонна генерала Девеля со стороны Ани; мы предположили, что пойдемъ на штурмъ Кизиль-Тапы, но генераль Девель, не имѣя полевыхъ орудій, не рѣшился перейти въ наступленіе, и вскорѣ 1-й баталіонъ получилъ приказаніе отойти на лѣвый флангъ и стать лѣвѣе селенія Башъ-Кадыкъ-Ляръ. Баталіонъ въ томъ-же порядкѣ, какъ стоялъ, повернулся налѣво и двинулся, направляясь вдоль непріятельскаго фронта и отстоя отъ него на дѣйствительный ружейный выстрѣлъ; но, не смотря на такую близость и на непрерывно падаю-

ція гранаты, баталіонъ безъ потерь спустился въ оврагъ и благополучно прибылъ въ Башь-Кадыкъ-Ляръ. Когда-то шумный и многолюдный Башь-Кадыкъ-Ляръ совершенно опустѣлъ и, точно, вымеръ....

Влѣво отъ Башь-Кадыкъ-Ляръ стояла выстроившись кавалерія, лѣвѣе ея остановился 1-й баталіонъ и занялъ позицію. Было 5-ть часовъ вечера, люди съ утра ничего не ѣли и, крайне утомленные, нуждались въ отдыхѣ. Только-что расположились на отдыхъ и развели было костры, какъ подъѣхалъ адъютантъ корпуснаго командира и передалъ приказаніе двинуться на правый флангъ и прикрыть Кюрюкъ-Дара. Проходя черезъ Башь-Кадыкъ-Ляръ, баталіонъ, по приказанію начальника дивизіи, вернулся къ той позиціи, какую онъ занималъ до прихода сюда.....

Имеретинцы и Владикавказцы пытались нѣсколько разъ взять обратно Кизиль-Тапа, но ихъ отчаянныя атаки не привели ни къ чему, и злополучная Кизиль-Тапа осталась въ рукахъ турокъ.

Къ вечеру огонь по всей линіи смолкъ.

По мѣрѣ общаго отступленія, Кутаиссы стали отходить въ Кюрюкъ-Дара, куда прибыли въ 12 часовъ ночи. Занятіе Кизиль-Тапа турками повлекло за собой обоюдно важныя послѣдствія: во-1-хъ, мы принуждены были отступить отъ Башь-Кадыкъ-Ляра, обстрѣливаемого съ Кизиль-Тапа, и занять новыя позиціи, по линіи Угузлы, Байрахтаръ и Гянци-Кирыкъ, оперевъ свой лѣвый флангъ въ Учъ-Тапа; во-2-хъ, турки получили полную возможность спуститься съ занимаемыхъ



высотъ, что для нихъ, въ виду наступающихъ холодовъ, было болѣе, чѣмъ необходимо.

Но нѣтъ худа безъ добра! И неудача 13-го августа, какъ всякая неудача вообще, имѣла свои полезныя стороны. Горькій опытъ убѣдилъ всѣхъ, что турки—сильный и искусный врагъ, котораго „не закидаешь шапками“....

Отрѣшаясь по немногу отъ крайне вреднаго сомнѣнія, мы были на порогѣ къ послѣдующимъ успѣхамъ. Кромѣ того, неудача 13 августа заставила насъ обратить особенное вниманіе на аванпостную службу. Лагерь, проспавшись какъ-бы послѣ долгой спячки, сталъ теперь рѣшительно незнаваемъ.

Пошли нововведенія. Такъ, на примѣръ, начали окапываться траншеями, вопреки изстари сложившемуся мнѣнію, будто не въ натурѣ русскаго солдата драться изъ-за закрытій. Каждый день, назначались дежурныя части. Сторожевая служба велась осмотрительнѣе. Собрана была команда охотниковъ, имѣвшая цѣлью тревожить непріятеля, узнавать его численность и проч. Командованіе охотниками Кутаисскаго полка было поручено подпоручику Тхоржевскому.

15 августа полкъ вернулся въ Угузлы.

Жажда дѣятельности улеглась.

Лагерная жизнь вошла въ свои права и дни потянулись за днями—скучно, однообразно.

Въ промежутокъ времени съ 1-го по 18-е сентября лагерная служба, выпавшая на долю Кутаиссцевъ, распредѣлялась такимъ образомъ: одинъ баталіонъ ох-

ранялъ. Учъ-Тапа, другой — уходилъ въ дежурную часть, а двѣ роты — остававшагося — въ лагерѣ занимали аванпосты. Едва только утомленные люди располагались на ночлегъ, какъ снова подымались на ноги, потому что съ минуты на минуту ждали нападенія Мухтара-паши.

Тревога оказывалась ложной. Расходимся по палаткамъ. Вдругъ, опять: въ „ружье“. Опять все тихо: „разойтись!“ и т. д., и т. д.

Это часто повторяющееся: въ „ружье“ и по „палаткамъ“, заставляя всѣхъ находиться въ напряженно-выжидательномъ положеніи, не давали намъ покоя. И, Боже мой, сколько проклятій посылалось безъ вины виноватому Мухтару, который на самомъ-то дѣлѣ, не имѣя въ мысляхъ беспокоить насъ, предавался восточному кейфу, а мы, по милости лазутчиковъ, не смыкали глазъ....

Въ это время тревожнаго затишья развилась въ отрядѣ изнурительная повальная болѣзнь — диссентерія (кровавый поносъ). Она въ нѣсколько часовъ, много — въ сутки, сильнаго человѣка обращала въ ходячую тѣнь.

Нездоровая вода (но и въ ней чувствовался постоянный недостатокъ) — вотъ главная причина развитія болѣзни.

Медицинское леченіе, при всемъ замѣчательномъ уходѣ и стараніи докторовъ, приносило мало пользы, такъ что, въ большинствѣ случаевъ, болѣзнь предоставлялась самой себѣ, и лучшимъ врачомъ являлась натура cadaго.



1-го сентября, соединенныя команды пѣшихъ и конныхъ охотниковъ, подъ общимъ начальствомъ поручика Севастопольскаго полка, Статкевича, двинулись къ сел. Джали, чтобы занять его и выбить оттуда турокъ. Кутаисскій полкъ прикрывалъ охотниковъ, и въ продолженіи всего боя находился подъ сильнымъ орудіиымъ огнемъ.

Съ 4-хъ часовъ вечера, 18-го сентября, полкъ охранялъ Учъ-Тапа, находившуюся въ 8-ми верстахъ отъ Угузловъ. Ночь была холодная. Солдаты, чтобы какъ нибудь согрѣть коченѣющіе члены, бѣгали, плясали, боролись.

На другой день въ 10 часовъ утра вернулись въ лагерь, а черезъ нѣсколько часовъ снова двинулись въ Караяль, для присоединенія къ главнымъ силамъ.

---

### III.

Задача боя 20 сентября (планъ).—День 19-го.—Выступленіе изъ лагеря.—Колонна подходитъ къ Б. Ягны.—Штурмъ и занятіе горы.—Наступленіе на турецкій лагерь.—Приказано остановиться.—Огонь.—Его губительность.—Наши ружья.—Ходъ боя.—Отступленіе.—Обходное движеніе.

По диспозиціи, отданной 19-го сентября, предполагалось атаковать части войскъ Карскаго гарнизона, выдвинувшіяся къ Большой и Малой Ягнямъ и Визинкеву, на лѣвомъ флангѣ Аладжинской позиціи.

Для выполненія этой цѣли, всѣ войска были раздѣлены: на правое крыло, лѣвое и резервъ. Правое крыло подраздѣлено было на четыре колонны, изъ которыхъ лѣвая, подъ начальствомъ генераль-маіора фонъ-

Шака, предназначалась дѣйствовать противъ деревни Хаджи-вали и, отбросивъ турокъ за Субботанскій оврагъ, прервать ихъ связь съ Авліаромъ—центромъ неприятельской позиціи. Въ составъ лѣвой колонны, въ числѣ 7-ми баталіоновъ пѣхоты, 2-хъ сотенъ казаковъ, вошелъ Кутаисскій полкъ.

Лѣвая и средняя колонны подчинены были общему начальству генераль-лейтенанта Геймана.

Весь день 19-го прошелъ, какъ обыкновенно.

Нужно было ничѣмъ не обращать на себя вниманіе Мухтара, и только скакавшіе то туда, то сюда ординарцы и адъютанты съ приказаніями давали знать, что мы наканунѣ рѣшительнаго дня....

Солнце скрылось за вершиной горъ, оставивъ по себѣ громадное ярко-красное зарево.

Лагерь судорожно зашевелился...

— Посмотрите, госнода, на небо: кровопролитный будетъ день 20 сентября! говорили нѣкоторые полусутиа... И на этотъ разъ голоса эти были пророческіе...

Въ палаткахъ засвѣтились огни, и оттуда неся сдержанный гулъ приготовлявшихся къ битвѣ войскъ.. По всѣмъ направленіямъ двигались обозы, сталкиваясь въ темнотѣ и спѣша въ вагенбургъ... Тяжело передвигались батареи, грозно и мрачно гремя по камнямъ... Взволнованнымъ полушопотомъ велись разговоры и отдавались приказанія...

Войска, назначенныя въ составъ лѣвой и средней колоннъ, собрались въ 7<sup>1/2</sup> часовъ вечера, впереди своего лагеря у Караяла по Субботанской дорогѣ. Только



1-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ, за темнотою ночи, не могъ быть отысканъ. Отрядъ, вмѣсто 8-ми часовъ вечера, выступилъ едва къ 12 часамъ ночи. Отдохнувъ въ оврагѣ (гдѣ присоединился 1-й стрѣлковый баталіонъ), колонна генераль-маіора фонъ-Шака двинулась влѣво, по направленію Хаджи-вали и Субботана.

Соблюдая строжайшую тишину, колонна двигалась всю ночь, изрѣдка останавливаясь, чтобы собрать растерявшіяся части, и на разсвѣтъ 20-го сентября подошла къ Большимъ Ягнамъ. На вершинѣ ея замелькали огоньки, но выстрѣловъ оттуда, по причинѣ большой высоты, не было слышно. Всѣ недоумѣвали и долго не могли опредѣлить страннаго освѣщенія.

Нѣкоторые предполагали, что блескъ на горѣ происходитъ отъ игры лучей восходящаго солнца. Однако, скоро объянилось, въ чемъ дѣло: артиллерія бросила на вершину до сотни гранатъ, и затѣмъ—штурмъ начался. Во главѣ всѣхъ шелъ 1-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ.

Солдаты, точно стая грачей, облѣпили черными точками гору и быстро поднимались все выше и выше. Видно было, какъ нѣкоторые, сорвавшись съ горы, летѣли внизъ, чтобы не встать ужь больше.

Черезъ часъ Большая Ягна была взята.

Кутаисскій полкъ, оставивъ 3-й баталіонъ, по приказанію начальника колонны, въ прикрытіе артиллеріи, двинулся по направленію турецкаго лагеря, находившагося влѣво отъ Большой Ягны. Впереди лагеря тянул-

ся глубокой каменистой оврагъ, а сзади его чернѣлъ рядъ турецкихъ траншей. Оврагъ этотъ, названный въ диспозиціи Субботанскимъ, служилъ непріятелю отличной природной траншеей. По всей вѣроятности, непріятель наслаждался крѣпкимъ утреннимъ сномъ, потому что въ лагерь царила мертвая тишина и не было замѣтно ни малѣйшаго движенія. Одна изъ нашихъ батарей, не доѣзжая до лагера двухъ верстъ, выѣхала на позицію (на которой оставалась въ продолженіи всего боя) и пустила нѣсколько гранатъ черезъ головы впереди идущихъ войскъ. Разбуженный внезапно, непріятель заметался, какъ уорѣлый, и стремглавъ, въ чемъ попало, бросился къ траншеямъ, гдѣ залегши въ огромномъ числѣ, открылъ убійственный огонь. 1-й и 2-й баталіоны, имѣя стрѣлковыя роты впереди, продолжали безъ выстрѣла наступать: 1-й баталіонъ направился къ правому флангу непріятельскаго лагеря; 2-й — шель фронтально; разстояніе между баталіонами было 1,000 шаговъ.

Турки, пораженные столь быстрымъ натискомъ, бросили траншеи и стали поспѣшно отступать въ лагерь, отъ котораго цѣль наша отстояла только въ 400 шагахъ.

Наступленіе все смѣлѣе, рѣшительнѣе. Резервы едва поспѣваютъ за цѣпью. Вотъ-вотъ бросимся въ штыки. Сердце замираетъ; шутка сказать, 1-е серьезное дѣло полка!...

Вдругъ, стали... Какъ? Зачѣмъ?... Проскакавшіе одинъ за однимъ двое ординарцевъ передаютъ коман-



диру полка: „генераль Гейманъ приказаль вамъ остановиться... Вы увлеклись, подождите резервовъ“ \*).

Ахъ, какая досада! А, вѣдь, побѣда, была такъ возможна.. Стрѣлки открываютъ огонь... Ободренные неожиданно благоприятнымъ оборотомъ дѣла, турки снова занимають траншеи и засыпають насъ свинцомъ... Пули свистятъ и визжатъ безъ перерыва, посылая то смерть, то увѣче... Санитары выбились изъ силъ. По всей линіи валяются неубранныя тѣла, окровавленные, обезображенные предсмертными судорогами... Куда ни погляди, лужи занекшейся и свѣжей крови... Раздирающіе стоны: ой, батюшки!... Господи!... Помогите!... воды!... воды!...

Страшная картина! Поздно и броситься въ атаку—силъ мало, а на огонь плоха надежда. 5—10-ть выстрѣловъ—экстракторъ, хоть брось его вонъ, ни куда не годится... Солдаты сердито подтруниваютъ надъ своими шестилинейными скорострѣлками. Офицеры стрѣлковыхъ ротъ обходятъ цѣпь, осматриваютъ прицѣлы, указываютъ, куда больше всего нужно стрѣлять, словомъ, руководятъ огнемъ... Полковникъ Барановъ все время разѣзжаетъ по цѣпи, отдастъ приказанія и прехладнокровно разсматриваетъ турокъ...

Солдаты и мы въ восторгъ отъ такого безстрашія...

А огонь все сильнѣе, сильнѣе: раненныхъ и убитыхъ все больше! Не прошло и полчаса, какъ быстро опустѣвшіе ряды 1-й стрѣлковой роты лишились сво-

\*) Однако, мы понапрасну ждали резервовъ: они къ намъ не прибыли.

его отважнаго командира, поручика Бафгаловскаго, 2-хъ субалтеръ-офицеровъ: подпоручика Старовѣрова и прапорщика Тимофеева и фельдфебеля Макина....

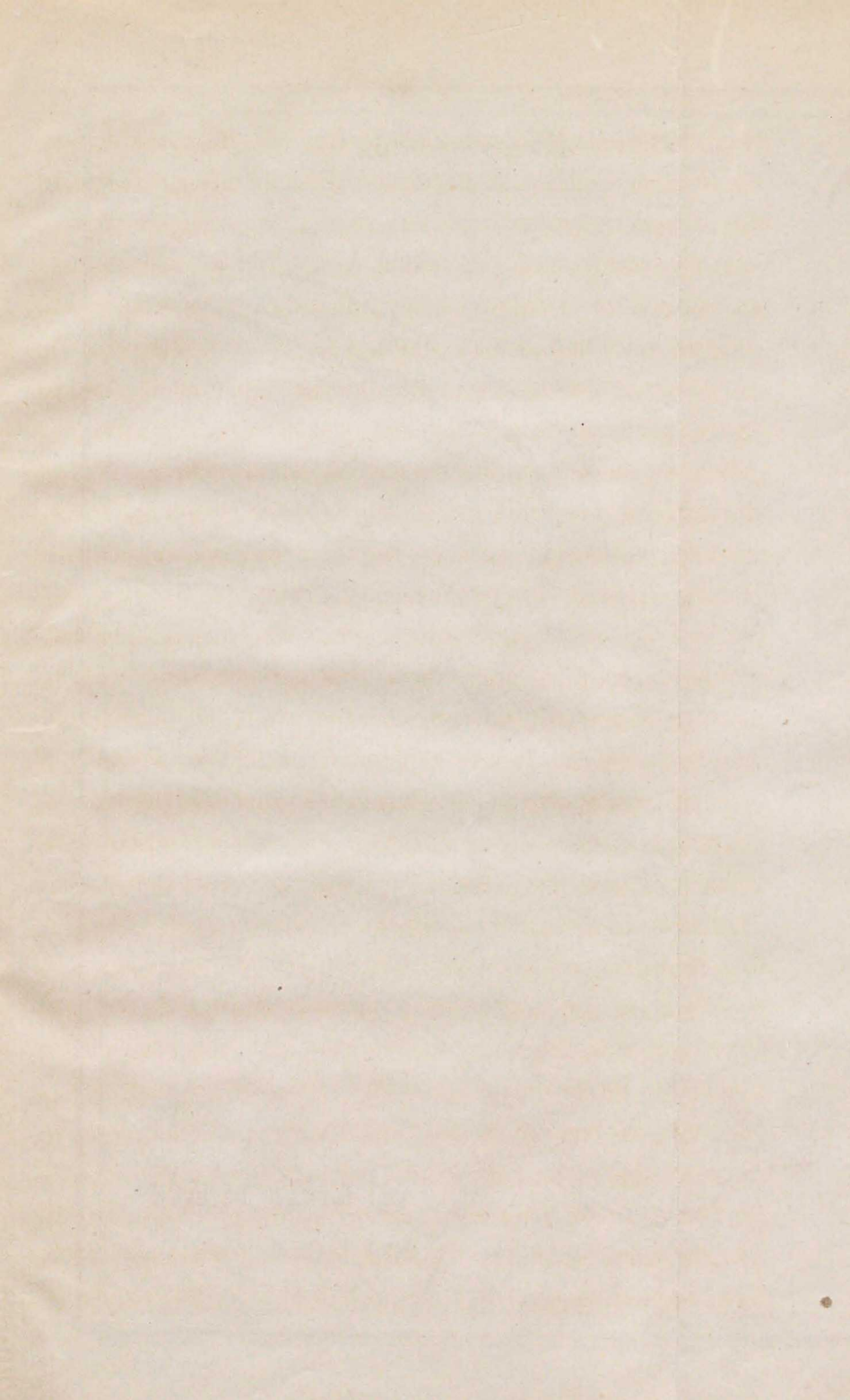
10 часовъ утра. Бой въ разгарѣ. Турки, подкрѣпленные спустившейся съ Аладжи пѣхотой, стали стягиваться къ нашимъ флангамъ, намѣреваясь, повидимому, ихъ обойти. Для противодѣйствія охвата и отраженія атаки, командиръ 1-го баталіона, полковникъ Өадѣвъ, перестроивъ баталіонъ по-ротно въ одну линію, приказалъ 1-й и 4-й ротамъ приготовиться къ пальбѣ залпами; а остальнымъ—къ удару въ штыки. Но непріятель оставилъ свои поползновенія, и все роты 1-го баталіона, вмѣстѣ съ присоединившимися остатками 1-й стрѣлковой роты, составивъ одну общую цѣпь, завязали перестрѣлку съ турками, сосредоточившими весь свой адскій огонь на нашъ правый флангъ. Именно: „адскій“, не подберешь другаго подходящаго названія\*).

Ежеминутно уносили раненныхъ: кого на носилкахъ, кого на шинеляхъ, а нѣкоторыхъ вели подъ руки. Въ какихъ нибудь 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часа баталіонъ не досчитывался 180 человекъ!

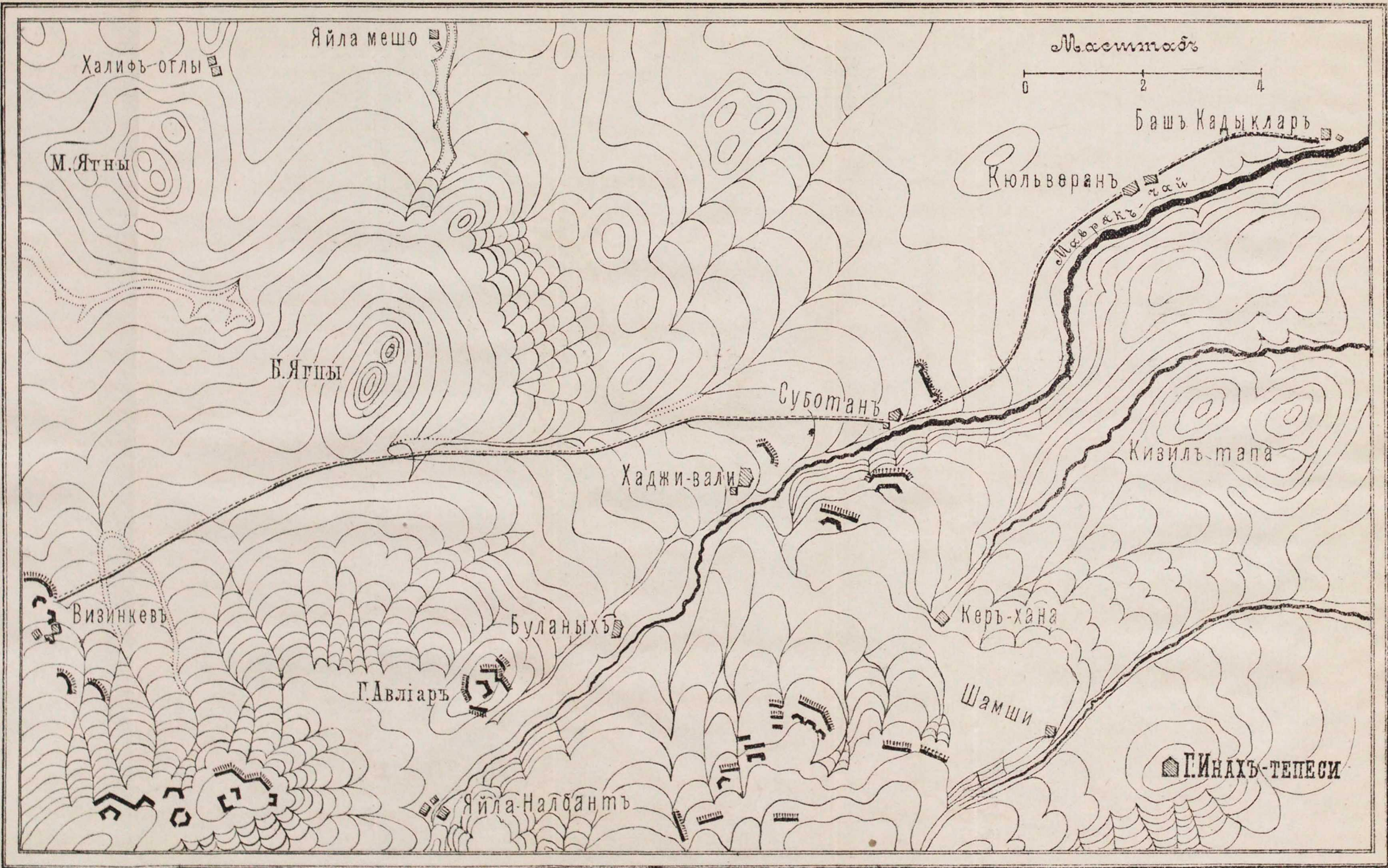
Душа болѣла, глядя, какъ эти несчастные раненные жарились по цѣлымъ часамъ на солнцѣ, безъ перевязки, безъ глотка воды.

\*) У полковника Баранова въ это время убила лошадь, которая, при своемъ паденіи, чуть было не раздавила его.











Но что мы могли сдѣлать для нихъ? Перевязочные пункты далеко отстояли отъ боевой линіи; носильщики не скоро возвращались; ряды замѣтно пустѣли; непріятель сильно насѣдалъ и, въ случаѣ его рѣшительныхъ дѣйствій, раненныхъ пришлось-бы бросить на беспощадный произволъ баши-бузуковъ. Вотъ почему, не желая оставить въ полѣ ни одного неубраннаго тѣла, горсть измученныхъ и обезсиленныхъ въ конецъ солдатъ должна была волей-неволей, собравши убитыхъ и раненныхъ, отступить шагъ за шагомъ влѣво отъ батарей; скрывшись тамъ, благодаря пересѣченной мѣстности, отъ непріятельскаго огня, роты мало-по-малу собирались и приводились въ порядокъ. Одновременно съ отступленіемъ 1-го баталіона, командиръ 2-го баталіона, маіоръ Семелевичъ, отошелъ немного назадъ и занялъ болѣе удобную стрѣлковую позицію. Не отходя отъ нея до окончанія боя ни на шагъ, 2-й баталіонъ отражалъ неоднократные натиски непріятеля и поддерживалъ съ нимъ ружейный огонь настолько сильный, насколько позволяли наши ружья. Приближается полдень. Огонь не умолкаетъ ни на минуту. Солнце печетъ нестерпимо. Жажда и утомленіе—хоть умирай!

Полковникъ Барановъ, подошедши къ баталіону пѣшкомъ, снова сѣлъ на лошадь. Вскорѣ его тяжело ранили въ ногу и онъ долженъ былъ передать командованіе полкомъ полковнику Фадѣеву, оставивъ поле сраженія. Громадная цифра понесенныхъ нами потерь, крайняя изнурительность нашихъ солдатъ, уединен-

ность силъ, удаленность перевязочныхъ пунктовъ, слишкомъ не посильный перевѣсъ непріятеля, все это заставляло генераль-маіора фонъ-Шака отойти къ Большимъ Ягнамъ. Къ вечеру 2-й баталіонъ, имѣя справа баталіонъ Минрельскаго, а слѣва баталіонъ Ростовскаго полковъ, перешелъ въ наступленіе и, отбросивъ непріятеля къ самому лагерю, безъ выстрѣла съ его стороны, отошелъ къ Большимъ Ягнамъ, гдѣ расположился съ остальными баталіонами бивуакомъ.

День этотъ обошелся полку очень дорого: не говоря уже о томъ, что онъ лишился своего храбраго и любимаго командира, котораго офицеры называли „рыцаремъ безъ страха и упрека“, въ высокомъ значеніи этого выраженія, а солдаты— „нашъ орелъ“, не говоря уже объ этой тяжелой потерѣ,—убыль полка была слѣдующая: два убитыхъ офицера—подпоручикъ Старовѣровъ, прапорщикъ Тимофеевъ, и четверо раненныхъ: командующій 1-й линейн. ротой поручикъ Сосфеновъ—тяжело въ брюшную полость, командующій 1-й стрѣлковой ротой поручикъ Бафталовскій—въ правую берцовую кость, командиръ 3-й линейной роты штабсъ-капитанъ Троицкій—въ ногу, выше колѣна и поручикъ Шатиловъ—слегка въ плечо; послѣдній, въ продолженіи всего дѣла, не выходилъ изъ строя. Нижнихъ чиновъ убитыхъ и раненныхъ выбыло изъ фронта 240 человекъ.

Жажда всѣхъ томила. Чтобы какъ-нибудь освѣжиться, солдаты собирали росу. Часовъ въ 10 вечера привезли мясо и воды въ бурдюкахъ, пропитанныхъ



нефтью. Многие, недождавшись очереди, залзали подъ телѣгу и подставляли рты подъ струившіяся капли мутной воды. Воду возили за 20 верстъ.

21 сентября въ нашей колоннѣ была легкая перестрѣлка, за то противъ центра, около Кизиль-Тапа шель ожесточенный бой.

Въ ночь на 22-е нашему отряду приказано было оставить позицію у Большой Ягны и отойти къ Кабахъ-Тапа.

22 и 23 сентября съ нашей стороны все дѣло ограничилось одной артиллерійской канонадой.

Выступивъ изъ Кабахъ-Тапа 23-го, мы перешли на прежнюю стоянку—сел. Угузлы.

Такъ кончился 3-хъ-дневный Аладжинскій бой.

---

Послѣ неудавшейся фронтальной атаки Аладжинскій позиціи, составленъ былъ планъ обходнаго движенія: часть войскъ должна была двинуться во флангъ, а другая—атаковать непріятеля съ фронта и, такимъ образомъ, сдавить армію Мухтаръ-паши съ двухъ сторонъ. 40-я дивизія, войдя въ составъ колонны генераль-лейтенанта Лазарева, двинулась на легкахъ въ обходъ Аладжинской позиціи. На разсвѣтѣ 28 сентября Кутаиссы перешли рѣчку Арпа-Чай, близь Кигача, и направились по ея лѣвому берегу до Байрамъ-Кента.

Дорога отъ Кигача до Байрамъ-Кента усыяна большими камнями. Идти пришлось ночью. Мы то и дѣло спотыкались и падали. Изнуреніе было общее. 30

сентября полкъ расположился бивуакомъ недалеко отъ Байрамъ-Кента. Отдыхъ подкрѣпилъ силы. Солдаты купались и мыли бѣлье. На другой день, переправившись черезъ границу, дошли до села Дигоръ. Дигоръ расположенъ въ глубокой котловинѣ, окруженной высокими обрывистыми горами. Отсюда начинался крутой подъемъ на Аладжадагъ. Послѣ прохода повозокъ и артиллеріи авангарда, дорога эта до того испортилась, что движеніе по ней сдѣлалось чрезвычайно затруднительно: увязшія орудія, артиллерійскіе паркы, лазаретные фургоны—запрудили подъемъ и поднимались только измученными людьми.

Чтобы облегчить колонну, въ Дигорѣ приказано было оставить провіантскія чѣлѣги, ранцы и другія менѣе нужныя вещи. 10 орудій, 3 баталіона первыхъ полковъ (Кутаисскаго, Гурійскаго и Абхазскаго), подъ начальствомъ генераль-маіора Граля, остались въ прикрытіе вагенбурга.

Нельзя забыть этотъ походъ!

Днемъ—изнурительный зной; а на ночлегѣ, подъ открытымъ небомъ, дрожишь отъ холода. Ъли ячменные сухари и, какъ особенную роскошь, пили чай изъ засаленныхъ котелковъ. О горячей пищѣ—помину не было. Про солдатъ и говорить нечего,—тѣ больше пробавлялись сухояденіемъ: сухарики съ водой, сухарики безъ воды, а то и вовсе безъ сухариковъ.

Къ вечеру 3 октября Кутаиссцамъ приказано было занять позицію впереди села Базарджикъ, чтобы преградить туркамъ въ этомъ мѣстѣ отступленіе къ Эрзеруму.



3-го октября армія Мухтаръ-паши была разбита на голову: 35 орудій, огромное количество ружей и боевыхъ припасовъ, 7 пашей, 250 офицеровъ, 7,000 нижнихъ чиновъ — были нашими трофеями.

Утромъ, 4-го октября, Великій Князь главнокомандующій сдѣлалъ смотръ своимъ войскамъ, благодарилъ за совершенные ими подвиги и поздравлялъ съ блистательной побѣдой. Восторгъ былъ безпредѣльный.

Участіемъ полка въ обходномъ движеніи заканчивается 1-я часть его боевой дѣятельности.

---

#### IV.

Стоянка въ Визинкевѣ.—Ожиданіе дѣла.—Радостная вѣсть.—Рѣчь полковника Оадѣва передъ выступленіемъ изъ лагеря.—Присоединеніе къ главнымъ силамъ.—Кутаисцы приближаются къ Карсу.—Полковникъ Оадѣвъ рѣшается взять Хафисъ.—Штурмъ.—Бой въ укрѣпленіи.—Трофеи.—Отступленіе въ Визинкевѣ.—3-й баталіонъ отражаетъ атаку турокъ на наши батареи.

Послѣ знаменитаго Авліарскаго боя, о которомъ даже враждебные намъ иностранные военные писатели отзывались съ величайшей похвалой, войска Кавказскаго корпуса обложили во второй разъ Карсъ. 1-й и 2-й баталіоны Кутаисскаго полка, вмѣстѣ съ 1-й батареей 40-й артиллерійской бригады и двумя сотнями Оренбургскихъ казаковъ, составивъ колонну подъ начальствомъ полковника Оадѣва, расположились на горѣ Визинкевѣ, верстахъ въ 12-ти къ сѣверо-восточной сторонѣ Карса.

3-й баталіонъ вошелъ въ составъ: сначала Мауринскаго, потомъ Магараджикскаго отряда, находившагося подъ начальствомъ Сухумскаго героя, генерала Алхазова.

Начнемъ съ Визинкевцевъ.

Лагерь нашъ тянулся по скату крутой, изрытой турецкими укрѣпленіями горы. Внизу—жалкія развалины безлюднаго села, гдѣ уже успѣли раскинуть свои сѣти благодѣтели-маркитанты.....

Съ вершины Визинкева открывалась широкая долина, окаймленная цѣпью грязно-сѣрыхъ горъ; на одной изъ нихъ красиво лѣпился грозный Карсъ, съ его остроконечными минаретами и пестрой кучей тѣсно застроенныхъ домовъ; на самомъ верху, по краю обрывистаго утеса, бѣлѣла недоступная цитадель; кругомъ, сквозь синеватую дымку, чуть пробивались темныя полосы его фортвъ.

..... Трудна была стоянка какъ на Визинкевѣ, такъ и на остальныхъ мѣстахъ блокады,—очень трудна!

Визинкевскіе источники не могли насъ снабжать водой: большой прудъ, стоявшій посреди села, былъ весь заваленъ трупами турецкихъ лошадей и своими вредными испареніями заражалъ только воздухъ; не подалеку отъ пруда, едва-едва сочился родничекъ, который, конечно, очень скудно утолялъ жажду.

Поэтому воду приходилось возить за 20 верстъ, откуда въ дер. Визинкевъ былъ проведенъ водопроводъ, испорченный турками при бѣгствѣ 3-го октября.

Только въ послѣдствіи, послѣ большихъ усилій, выпавшихъ, главнымъ образомъ, на долю прапорщика Ковалевскаго, водопроводъ былъ восстановленъ—и тогда радости нашей не было конца.

Помимо недостатка въ водѣ, не мало приходилось терпѣть отъ холода и непогоды.



Не только у солдатъ, у многихъ офицеровъ не было теплой одежды: полушубки, выписанные нами изъ Саратова, кажется, въ 20-хъ числахъ сентября, мы получили (и на томъ спасибо!) зимой, за Саганлугомъ; а посланные въ полкъ еще осенью Пензенскимъ обществомъ нѣсколько тюковъ съ одѣялами, фуфайками, валенками и другими вещами, дошли по адресу только къ серединѣ лѣта. Какъ-бы все это было кстати по раньше—осенью или зимой!....

А время идетъ себѣ да идетъ. Знойное лѣто быстро смѣнилось холодною осенью,—осенью на высокихъ, оголенныхъ горахъ „золотой“ Арменіи.

За все время стоянки не было ни одного яснаго дня: вѣчно хмурое небо, сырые утренніе туманы, постоянные дожди въ перемежку съ снѣгомъ, и, въ довершеніе всего,—насквозь пронизывающій вѣтеръ. Ночью, въ особенности на разсвѣтѣ, посѣщали насъ настоящіе русскіе морозы.

Спали мы не раздѣваясь, завернувшись съ головой въ одѣяло, бурку или во-что попало: ничѣмъ не брезгали. Но офицеры, сравнительно съ солдатами, блаженствовали: у тѣхъ было, хоть на худой конецъ, кое-что; у этихъ-же, бѣднягъ, кромѣ жиденькой, затасканной шинели, — „ни званія“; шинель замѣняла имъ подушку, одѣяло, постель,—словомъ, все и ничего! Ночью они спасались тѣмъ, что набивались въ палатку человекъ по 20-ть и, плотно прильнувъ одинъ къ другому, согрѣвались собственной теплотой... Но все, о чемъ говорилось сейчасъ, было еще съ полгоря: боль-

ше всего донимали насъ изнурительные аванпосты (Иванъ Постный, по выраженію солдатъ). Цѣлую ночь — на чеку. Холодъ — зубъ на зубъ не попадешь... Костровъ разводить нельзя, да, по правдѣ сказать, не изъ чего... Солдаты бѣгаютъ, мнутъ очень чувствительно одинъ другому бока... ну, да толку все-таки мало. Ждешь не дождешься, когда „стожары“ уйдутъ за небосклонъ и настанетъ утро...

На каждомъ шагу терпѣли лишенія! Всего и не перескажешь...

Конечно, неизбежнымъ слѣдствіемъ описанныхъ невгодъ явились болѣзни; но имъ не давали переходить въ заразу: были подъ рукою доктора, были пока лекарства.

Проходить недѣля, другая, все аванпосты и аванпосты, а въ промежутокъ между ними полное бездѣліе: тоска смертная!

Съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ждемъ какого-нибудь выхода изъ этой, вѣсь опыстолой, лагерной жизни.

Мысли всѣхъ устремлены въ Карсъ: вѣдь онъ только и держитъ насъ здѣсь. Эхъ, поскорѣй-бы расчитаться съ нимъ, да и на зимнія квартиры. Дни идутъ за днями... Господи, неужто конца желаннаго не предвидится?

Описываемое время было страдной порой второй осады Карса: день и ночь работали саперы и пѣхотные солдаты; быстро, словно по щучьему велѣнію, выростала батарея за батареей; транспорты орудій и сна-



рядовъ нескончаемыми вереницами тянулись въ Магараджикъ.

Войска, размѣщаясь вокругъ Карса, создавали кольцо, правда, тонкое, но за то прочное.

По всему было видно, что генераль Лазаревъ, съ свойственной ему непоколебимой рѣшимостью, задумалъ на этотъ разъ покончить съ Карсомъ. Мы торопились, стараясь выиграть время, такъ какъ наступившая зима легко могла-бы разрушить наши замыслы. Но и турки не дремали.

Въ ночь съ 21 на 22 октября они выстроили впереди Хафиса полевую батарею и стали наносить ощутительный вредъ нашимъ осаднымъ работамъ. Батарея эта приковала къ себѣ все наше вниманіе. Каждый хорошо понималъ, что рано или поздно придется кому нибудь съ ней познакомиться. Но кому именно и когда?...

Утромъ, 23 октября, по лагерю, съ быстротой молніи, проносится радостная вѣсть: идемъ брать батарею. Маленькое сомнѣніе: а, можетъ быть, вздоръ? Приносятъ вечернее приказаніе, читаемъ: „завтрашняго числа ротамъ приготовиться къ выступленію, людямъ быть безъ ранцевъ, оставивъ ихъ въ лагерѣ“ и т. д.

Значитъ, вѣрно. Всѣ радостно взволнованы. Каждаго подмываетъ узнать, догадаться: на долго-ли идемъ, одни-ли? Но будь, что будетъ: покидаемъ хоть на время Визинкевъ—это несомнѣнно, и слава Богу!

Лагерь зашумѣлъ, заходилъ ходуномъ.

Солдатики старательно чистятъ ружья и какъ-то особенно любовно осматриваютъ ихъ. Кто знаетъ, быть

можетъ, это прощальный взглядъ своему неразлучному другу — винтовкѣ.... Отдаются всевозможныя приказанія: тамъ слышится докладъ фельдфебеля, здѣсь — распоряженіе ротнаго командира, чтобы было столько-то и столько-то рядовъ. Озабоченные каптенармусы, съ кипой какихъ-то отчетностей, снуютъ взадъ и впередъ. Дневальные охрипли, выкрикивая непрерывно: „послать“, „попросить“... „въ полковую канцелярію“...

Въ оживленныхъ приготовленіяхъ быстро пролетѣлъ день: вотъ ужъ вечеръ. Замерли послѣдніе звуки братской молитвы. По немногу все укладывается спать. Не спать пока неугомонные ротные балагуры, рассказывающіе таинственнымъ полупотомъ занятныя небылицы въ лицахъ, но и тѣ что-то скоро пріутихли, должно быть, мало кто ихъ слушаетъ: высыпаются нужно; какія теперь сказки!...

То вдругъ, среди мертвой тишины, раздается горячечный бредъ больнаго. Очнется полусонный „ночной“, окрикнетъ, и опять тишина... Прогудитъ очередной выстрѣлъ нашей „бабушки“, слышно, какъ что-то грузное, большое медленно сверлитъ воздухъ; какъ, минуто спустя, съ шумомъ и грохотомъ, валятся въ Карсъ каменя.

Тамъ, внизу, залятся жалобнымъ воемъ собаки, смолкнуть — и снова все тихо....

Тоскливое утро... Туманъ сизоватой пеленой окутываетъ гору. Порывистый вѣтеръ разноситъ мокрые хлопья снѣга и лѣпитъ глаза. Лагерь давно сталъ на ноги. Солдатики, на-скоро закусивъ сухариками, выходятъ къ расчету...



„Людей выводить!“ приказываетъ дежурный по полку...

„Выводить!“ подхватываютъ на разные лады дневальные.

Батальоны, за исключеніемъ 3 и 4 ротъ, оставленныхъ въ Визинкевѣ, подѣ начальствомъ штабсъ-капитана Бобоѣдова, вышли и выстроились.

Подѣзжаетъ командующій полкомъ полковникъ Оадѣевъ и, послѣ обычнаго привѣтствія, говоритъ: „ребята, идемъ въ бой! Покажемъ туркамъ Кутаисцевъ! Безъ приказанія не стрѣлять, а доберешься до врага — не жалѣй штыка. Работай лихо! Съ Богомъ!“

Слова эти, сказанныя просто, сильно, по-солдатски, глубоко западаютъ въ душу Кутаисцевъ...

„Ружья вольно, шагомъ — маршъ!“ командуетъ полковникъ, за нимъ повторяютъ баталіонеры. Мы тронулись, но съ первымъ шагомъ все сняли шапки и осѣнили себя крестомъ... Идемъ молча; каждый думаетъ крѣпкую думу, далеко уходя въ свой внутренній міръ, развѣ кто перекинется словомъ, или раздастся какая-нибудь команда — и только.

Помятыя, неубранныя поля по сторонамъ, сумрачная погода, какъ нельзя болѣе, отвѣчаютъ угрюмому настроенію; невеселыя мысли, какъ докучливыя мухи-кусачки, такъ и лѣзутъ, такъ и лѣзутъ. А тутъ еще проклятый заяцъ дорогу перебѣжалъ. . . . .

Отойдя версть 8 отъ лагеря, расположились на позиціи... Туманъ разсѣивается... Изъ-за свинцовыхъ тучъ ласково выглядываетъ солнышко...

Все ожило, повеселѣло. Солдаты разлеглись на землѣ, грѣются. Идутъ толки о настоящемъ, потомъ возвращаются назадъ, припоминая, какъ „его вусейка сбивали съ большаго шихану“; затѣмъ, незамѣтно выступаютъ воспоминанія о далекой и милой отчизнѣ. Всѣмъ такъ вольготно, славно. Забыта настоящая обстановка: ни грустной нотки, ни мимолетнаго облачка... Воспоминанія! Такъ-бы жилъ, такъ-бы и дышаль вами!...

Отъ нечего дѣлать, мы, офицеры, вышли на бунорокъ—посмотрѣть, что дѣлается впереди. Далекое, влѣво отъ насъ, не на шутку разгорался бой... Бѣлые дымки, змѣясь, составили двѣ линіи: нашу и турецкую... Вдругъ, смотримъ—наша понятилась... Точно холодной водой окатило каждого: должно быть, нашимъ плохо?.. Скорѣй, скорѣй на подмогу!... Что-жъ мы стоимъ?..

А, можетъ быть, наши отступаютъ, потому что такъ нужно, пробуешь себя утѣшить хоть чѣмъ-нибудь.. Можетъ быть! Дай-то Богъ! А у самого на душѣ кошки скребутъ...

Но вотъ и до насъ дошла очередь: мы выстроились по-ротно въ двѣ линіи (2-й баталіонъ впереди, три роты 1-го—въ резервѣ, артиллерія—въ интервалѣ) и двинулись, направляясь вдоль фронта Карса; турки тотчасъ-же открыли по насъ артиллерійскій огонь..... Пройдя версты двѣ, увидѣли спускающіяся съ распо-



ложенныхъ впереди высотъ колонны Магараджикскаго отряда и получили приказаніе подождать, пока онѣ не поровняются съ нами. Остановились. Артиллерія, выѣхавъ, по приказанію полковника Өадѣева, на позицію, громить гранатами непріятельскую батарею... Въ свою очередь, турки не остаются въ долгу: гранаты ихъ ложатся все чаще и ближе. Вотъ одна, зловѣще пропищавъ, грохнулась между ногъ у офицера 2 баталіона.

„Убили!“ уныло проносится по рядамъ...

„Носилки!“ приказываетъ ротный командиръ. Ничуть не бывало. Мнимая жертва отряхивается отъ пыли и продолжаетъ себѣ курить. Вообще, гранаты приносили намъ мало вреда: онѣ, какъ въ тѣсто, уходили въ пахатный грунтъ и, если разрывались, то выбрасывали узко-воронкообразный столбъ пыли и черепковъ.

„Чего гнешься? небось не тронетъ: кипка казенная“ острятъ смѣльчаки.....

Какъ только главные силы стали выравниваться съ нами на одной высотѣ, мы, составляя ихъ правый флангъ, двинулись прямо къ Карсу...

Черезъ нѣсколько времени, подскакиваетъ къ полковнику Өадѣеву ординарецъ и второпяхъ говоритъ: „генераль Лазаревъ приказалъ вамъ обходить....“

Но что обходить и гдѣ обходить — вопросъ.

Смутно догадываешься, что рѣчь идетъ о полевой батарее...

Цѣпь наша, быстро наступая, открыла огонь и потѣснила непріятельскихъ стрѣлковъ. Полковникъ Өадѣевъ приказываетъ первой линіи ротныхъ колоннъ

развернуться въ густую цѣпь, а второй—разомкнуть ряды и прибавить шагъ.

..... По мѣрѣ отступленія турокъ къ Хафису, мы отходимъ все вправо и, наконецъ, благодаря волнистой мѣстности и довольно глубокой долиной, скрываемся отъ его взоровъ. За то Карадагъ ни за что не хочетъ разстаться съ нами, и только быстро двигаясь и перемѣняя направленіе, мы не даемъ ему хорошенько пристрѣляться.....

Цѣпь беретъ ружья вольно... Смеркается. Густой дымъ разстилается по полю..... Пахнетъ удушливой гарью... Огонь ружейный смолкъ, только однѣ незговорчивыя гранаты прорѣзываютъ воздухъ... Кругомъ—подавляющая тишина, точно затишье передъ грозой; не слышно ни шутокъ, ни разговора..... На душѣ какъ-то особенно жутко, мрачно. Мы все двигаемся... Вдругъ, долетаетъ до насъ слабый отголосокъ далекаго „ура“. Всѣ встрепенулись. Навѣрное, наши пошли въ атаку, предполагаемъ мы и, дѣйствительно, не ошиблись: потомъ, оказалось, что центръ бросился на батарею, турки не выдержали и, взявъ орудіе на передки, умчались въ Карсъ, увлекши за собой прикрывавшую пѣхоту. Цѣль ускользнула: наши отошли въ лагерь...

Генераль Лазаревъ приказалъ вернуть Кутаисцевъ, но ординарецъ, проблуждавъ всю ночь, нигдѣ не могъ насъ найти, и мы, не получая никакихъ приказаній, продолжаемъ наступать, приближаясь къ восточной сторонѣ Карса. Искусныя маневрированья вводятъ



непріятеля въ заблужденіе: по всей вѣроятности, онъ думалъ, что мы скромно промаршируемъ мимо Карадага и вернемся въ Визинкевъ.

Однако, куда идемъ? тревожно спрашиваемъ себя, теряясь въ догадкахъ: батарейка давно усзакала... мѣсто, гдѣ она стояла, осталось далеко влѣво и сзади.....

Но не то волновало полковника Оадѣева: онъ давно уже не сводилъ глазъ съ Хафиса и задался отважною цѣлью — взять его во что-бы то ни стало. Рискъ былъ не малый!...

Цѣлый день безостановочной ходьбы и мучительная жажда — изнуряють всѣхъ: того и гляди, повалишься, какъ снопъ... Дѣлаемъ послѣднія усилія — войти въ мертвое пространство Карадага, а онъ-то палитъ изъ всѣхъ орудій, нисколько не смущаясь, что гранаты его пролетаютъ высоко черезъ головы.

..... „Правое плечо впередъ!“ раздается громкая команда полковника Оадѣева, разомъ объясняя всю мучительную неизвѣстность наступленія. Мы подходимъ къ лѣвому фасу Хафиса.

„Господинъ полковникъ, докладываетъ и. д. завѣдующаго стрѣлками, капитанъ Моравскій, — съ лѣвой стороны у насъ нѣтъ нашихъ войскъ, а впереди — укрѣпленіе.“

— Тѣмъ больше будетъ намъ чести, если мы одни возьмемъ укрѣпленіе, отвѣчаетъ Оадѣевъ: — и укрѣпленіе не впереди, а слѣва. Прикажете стрѣлкамъ зайти правымъ плечомъ и молча броситься на него: я за вами поспѣю.

Потомъ, указывая на чернѣющей Хафисъ, Өадѣевъ обращается къ солдатамъ: „братцы, слава Кутаисцевъ на этихъ орудіяхъ: надо сорвать ее! Прибавь шагъ!...“

Роты въ грозномъ молчаніи ринулись впередъ и въ нѣсколько минутъ поровнялись съ стрѣлками. Куда дѣлась усталость и жажда! Все горитъ нетерпѣніемъ—поскорѣй броситься на „ура“!

Одновременно съ движеніемъ 2-го баталіона, полковникъ Өадѣевъ приказываетъ, находящемуся при немъ ординарцу, поручику Шергину, передать командующему 1-мъ баталіономъ, капитану Левинскому, чтобы этотъ послѣдній, съ своими тремя ротами, прикрылъ наступленіе, занявъ пространство между Хафисомъ и Карадагомъ...

..... 2-й баталіонъ натывается на площадь усѣянную самодѣйствующими минами и фугасами... Дрогнула земля, и съ оглушительнымъ трескомъ полетѣли кверху камня. Предательская площадь дѣлается мишенью всѣхъ Карскихъ фортовъ... Темная ночь. Непрерывный взрывъ минъ. Гранаты, бороздяція непроглядную темень огненными линиями. Вспыхивающія зарева свѣтящихся ядеръ. Свистъ, шипѣнье, мяуканье пуль...

Господи, что за потрясающее, волшебное зрѣлище!...

2-й баталіонъ быстро проходитъ это ужасное поле огня. Велѣдъ за нимъ вступаетъ 1-й, выдерживая не разъ самые отчаянные натиски непріятеля...



До укрѣпленія остается шаговъ 50... Рѣшительная минута близка.

Напряженное состояніе... Движеніе—порывистое...

Ряды смыкаются тѣснѣе. Но вотъ не вытерпѣло ретивое... Кто-то крикнулъ, за нимъ—другой, третій, и громкій раскатъ могучаго „ура“ оглашаетъ воздухъ...

„Урусъ, урусъ!“ раздались крики турецкихъ часовыхъ.

„Урусъ, урусъ!“ понеслось по укрѣпленію...

Въ одно мгновеніе весь брустверь покрылся огненной полосой отъ ружейной и орудійной пальбы...

Мы во рву укрѣпленія... Высокій брустверь, съ каменнымъ гладкимъ основаніемъ, на минуту насъ задерживаетъ...

Солдаты подсаживаются другъ друга, опираются на штыки, летятъ внизъ и опять карабкаются, воодушевляемые личнымъ примѣромъ офицеровъ... Самъ полковникъ пытается влѣзть на брустверь, обрывается всякій разъ,—но вотъ онъ на брустверѣ и съ крикомъ: „братцы, на орудіе!“ бросается впередъ.

Бурнымъ потокомъ, прорвавшимъ плотину, хлынули Кутаисцы въ укрѣпленіе...

Начинается беспощадная работа штыковъ и прикладовъ. Въ нѣсколько минутъ артиллерійской прислуги—какъ не бывало. „Братцы, впередъ! Бей!“ кричатъ офицеры. „Лихо, Кутаисцы! Штыки ребята штыки!“ ободряетъ Өадѣвъ...

Минутъ 10-ть идетъ страшная бойня. Турки дерутся отчаянно и, какъ остервенѣлые львы, такъ и

лѣзутъ на штыкъ, но нѣтъ!.. Они не выдерживаютъ и съ раздирающими криками: „Алла, Алла!“ бѣгутъ куда попало: одни бросаются къ воротамъ, спасаясь въ траншею, соединяющей Хафисъ съ Канлы; большинство скрывается въ казармѣ; часть прячется подъ орудіями и пороховыхъ погребахъ; наконецъ, нѣкоторые спѣшатъ въ лагерь.

Наши охотники, находившіеся подъ командой прапорщика Д'Андрэ, обѣжали съ лѣвой стороны укрѣпленіе и, встрѣтивъ у воротъ бѣгущихъ въ траншею турокъ, дружными залпами ихъ уничтожили...

Запершіеся въ казармахъ оправились отъ страха и открываютъ по насъ сильный огонь. Чтобы поугмонить расходившихся бѣглецовъ, приказываемъ стрѣлять залпами въ окна. Мѣра эта беретъ свое: огонь утихаетъ...

Изъ погребовъ тоже пострѣливаютъ. Солдаты сами собою подумали отвѣчать, но ихъ сейчасъ-же останавливаютъ, потому что долго-ли тутъ до грѣха взлетѣтъ всѣмъ на воздухъ. Черезъ нашихъ солдатъ татаръ \*) предлагаемъ туркамъ сдаться. Тѣ выходятъ и кладутъ оружіе

Послѣ этихъ предварительныхъ дѣйствій, солдаты, предводительствуемые офицерами, разсѣиваются по всему укрѣпленію. Темно—хоть глазъ выколи. Турки прячутся всюду. Приходится на удачу пырять штыкомъ, имѣя дѣло чуть не съ каждымъ „усманомъ“ въ

---

\*) Солдаты изъ татаръ во всю компанію служили намъ вѣрными переводчиками.



отдѣльности \*). . . . .

„Ваше в—іе, наши, наши идутъ! радостно вскрикиваютъ солдаты, подбѣгая къ полковнику Өадѣву.“

Увидѣвъ приближающуюся съ тыла пустую колонну, Өадѣвъ приказываетъ не стрѣлять, предполагая, что, быть можетъ, идетъ къ намъ подкрѣпленіе; но на всякій случай, полурота зарядила ружья и стала наготовѣ. Растворили ворота. Колонна, приближаясь къ намъ, развертывается. Стали спрашивать. Подозрительное молчаніе... Вотъ она шагахъ въ 20-ти. Узнаемъ турецкій таборъ... „Рота, пли!“... И только стрѣлявшіе съ банкета видѣли, какъ отдѣльныя тѣни удирали по разнымъ направленіямъ: колонны не стало.

„Ваше в—іе! за казармой турки прикрылись лошадыми и стрѣляютъ: ничего съ ними не подѣлаешь!“ докладываетъ какой-то унтеръ-офицеръ.

Разставивъ офицеровъ и солдатъ по занятымъ фазамъ укрѣпленія, Өадѣвъ съ ротой бросается къ указанному мѣсту...

„Рота, стой!... Рота, пли!“ Лошади частью попадали, частью разбѣжались...

„Ура!...“ Новыя жертвы храброй защиты Хафиса пали подъ ударами Кутаисцевъ...

Едва покончили здѣсь—глядь въ томъ-же направленіи, какъ и раньше, идетъ новая колонна. Солдаты

---

\*) Отсюда—масса подвиговъ, интересныхъ сценъ; нѣкоторые изъ нихъ мы приводимъ въ *Приложеніяхъ*; но многое, къ сожалѣнію, поггло безслѣдно...

сами отворили ворота и встрѣтили турокъ залпами. Опять тоже: колонна разсѣялась...

„Затворить ворота!“ приказалъ полковникъ Фадѣевъ и при этомъ добавилъ: „ребята, штука эта на разъ хороша, а два—уже много; стрѣлять черезъ брустверь, да, смотри, береги патроны: разстрѣляешь—негдѣ будетъ взять“. Слова эти не пропали даромъ: не смотря на постоянныя атаки и на продолжительность борьбы, у рѣдкаго солдата, послѣ боя, не осталось по двѣ пачки патроновъ, но штыковъ, поломанныхъ и погнутыхъ, было пропасть; досталось, впрочемъ, и прикладамъ...

Оставалось взять еще одинъ сѣверо-восточный бастионъ. Ударъ въ штыки и здѣсь покончилъ дѣло: часть сдалась, другіе—улепетнули...

Бой внутри укрѣпленія приходитъ къ концу, хотя нѣтъ-нѣтъ и треснетъ залпъ. За то на Хафисъ турки повели атаку за атакой. Но перекрестный огонь баталіоновъ заставлялъ ихъ уходить ни съ чѣмъ, покрывая брустверь и ровъ грудой труповъ... Убѣдившись въ полномъ нашемъ торжествѣ, къ воротамъ стали стекаться толпы турокъ: они бросали оружіе и изъявляли готовность сдаться, но мы отказывались ихъ брать, такъ какъ плѣнные могли только обременять нашу малочисленную колонну....

Однако, какъ ни работаемъ на славу, а нужно подумать объ отступленіи, пока турки не пришли въ себя. Утромъ они окружили-бы насъ всеѣмъ Карскимъ гарнизономъ—и тогда пришлось-бы намъ очень плохо:



сила, вѣдь, солону ломить! Жаль покидать Хафись, но дѣлать нечего...

„Клепать орудія!“ приказываетъ Оадѣвъ.

Начинается дружная, веселая работа: тотъ сбиваетъ цѣликъ, другой—заколачиваетъ помполъ въ запаль орудія, третій выгаскиваетъ замокъ. Каждый, какъ можетъ, помогаетъ общему дѣлу. . . Большое затрудненіе встрѣчаемъ въ огромномъ съ дула заряжающемся орудіи. Какъ съ нимъ быть? Попробовали, было, опрокинуть его въ ровъ: куда! Сколько ни надрываемся, сколько ни припоминаемъ „дубинушку“—орудіе ни съ мѣста. Солдаты облѣпили его, какъ мухи, и пошли шутки-прибаутки. Странное дѣло, солдаты, какъ будто на вольныхъ работахъ—такъ у нихъ все удивительно просто!...

Въ концѣ концовъ, заклепываемъ всѣ 16 орудій. Ну, теперь пора и домой...

Мы въ остолбенѣніи: какъ, моль, домой, когда взято укрѣпленіе. Не ладно что-то. Полковникъ Оадѣвъ приказываетъ гарнистамъ стать по разнымъ мѣстамъ бруствера и сыграть: „всѣ“ и „сборъ“...

Собрались и отступаемъ... Турки, вопреки своему обыкновенію, не провожаютъ насъ убійственнымъ огнемъ, и мы выходимъ изъ боя, имѣя слѣдующія трофеи: 3 замка, кавалерійскій штандартъ, 67 плѣнныхъ солдатъ, 10-ть офицеровъ. Въ дѣлѣ у насъ убыло изъ строя: два раненныхъ офицера, штабсъ-капитанъ Дыньковъ и поручикъ Шергинъ; нижнихъ чиновъ: убитыхъ, раненныхъ и безъ вѣсти пропавшихъ—40 человекъ.

Эта малочисленная потеря дѣлаетъ подвигъ Кутаисцевъ еще болѣе замѣчательнымъ.

Трудно себѣ представить, какъ мы всѣ изнурились. Пройдемъ шаговъ 15-ть—приваль.

Сейчасъ-же ползкомъ, наощупь, стараешься отыскать хоть глотокъ воды, ищешь, ищешь и, —если наткнешься на лужицу, то съ жадностью припадаешь къ ней и съ неописаннымъ наслажденіемъ втягиваешь отвратительную грязь... Но гдѣ ужъ тутъ разбирать? И ей радъ, какъ не знаю, чему...

Съ такими привалами, полегонечку приближаемся къ Визинкеву. Вдругъ—выстрѣлъ. Мы переполошились. Выстрѣлил плѣнный офицеръ: у него нашли два револьвера, которые, сдаваясь намъ, онъ спряталъ въ рукавъ. Выстрѣлъ данъ былъ съ цѣлью привлечь на себя вниманіе баши-бузуковъ; но одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ, называвшій себя капитаномъ и немного говорившій по-русски, увѣрялъ насъ, что выстрѣлъ произошелъ вслѣдствіе неосторожности. Мы, конечно, капитану не повѣрили и просили передать сотоварищамъ, что, если повторится подобная „неосторожность“, то мы примемъ крутыя мѣры. Выстрѣловъ больше не было.

Не доходя до лагеря, солдаты сами подтянулись, и, выстроившись по-ротно, грянули молодецкую пѣсню; а при входѣ въ Визинкевъ, полковая музыка встрѣтила насъ гимномъ — „Боже, Царя храни!“

И далеко, далеко неслись эти торжественные, дорогие русскому сердцу, звуки, сливаясь съ громкими нацѣвами: „Ночи темны, тучи грозны!...“



Общему ликованію нѣтъ предѣловъ.

По всюду — рассказы, сцены...

Герой дня, полковникъ *Өадѣевъ*, получилъ нѣсколько поздравительныхъ телеграммъ.

Вотъ ихъ содержаніе:

„Благодарю *Кутаисцевъ* за блестящій геройскій подвигъ вчерашняго вечера. Спѣшу порадовать съ побѣдой, одержанной 22 числа генераломъ *Гейманомъ*, на высотахъ *Деве-Бойну*. Эта позиція нами занята. Всѣ офицеры, какъ и солдаты, за вчерашній геройскій вашъ подвигъ, будутъ вознаграждены.

Еще разъ благодарю васъ.

Генераль-лейтенантъ *Лазаревъ*.“

„Благодарю за радостную вѣсть и отъ души поздравляю полкъ и васъ съ боевымъ успѣхомъ. Сообщите, какіе баталіоны были въ дѣлѣ и какія у насъ потери и почему телеграмма ваша изъ *Визинкева*. Развѣ оставили *Хафисъ*? Телеграфируйте теперь-же.

Генераль-лейтенантъ *Шатиловъ*.“

„Поздравляю. Немедленно вышлите сюда за конвоемъ плѣнныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ и донесите, какія у васъ потери.

Генераль *Алхизовъ*.“

Его Императорское Величество въ Возѣ почившій Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ осчастливилъ насъ слѣдующей телеграммой къ Его Императорскому Высочеству главнокомандующему Кавказской арміи:

„Кутаисцамъ Мое особое спасибо за молодецкое дѣло. Ты можешь гордиться славными войсками, находящимися подъ твоей командой. Да будетъ благословеніе Божіе и впредь съ нами.

АЛЕКСАНДРЪ.“

Телеграмму привезъ адъютантъ Великаго Князя, полковникъ баронъ Зальцъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, передалъ отъ имени Его Высочества благодарность за Хафизское дѣло. Въ отвѣтъ на это, командующій полкомъ просилъ полковника Зальцъ передать Его Высочеству, что „Кутаисцы для своего августѣйшаго главнокомандующаго сдѣлаютъ и не такое дѣло“.

Слова эти были милостиво приняты Его Высочествомъ, о чемъ онъ изволилъ напомнить, послѣ штурма Карса.

---

Теперь перейдемъ къ 3-му баталіону.

Утромъ, 22 октября, генераль-лейтенантъ Лазаревъ, произведши рекогносцировку Карской мѣстности, указалъ пункты для постройки новыхъ батарей, въ двухъ верстахъ отъ лагеря Магараджикскаго отряда.

Въ 6-ть часовъ вечера, 3-й баталіонъ Кутаискаго полка, съ командой саперъ, былъ высланъ рыть бата-



реи. Цѣлую ночь кипѣла работа, и къ разсвѣту три батареи, каждая на 4-ре орудія, были готовы. Работа шла такъ скоро и успѣшно, что вызвала одобреніе сапернаго генерала.

Утромъ, 23 октября, укрѣпленія были вооружены орудіями и заняты Севастопольцами.

Орудія открыли огонь по Карскимъ веркамъ. Турки оживленно отвѣчали.

Въ ночь съ 22 на 23 Кутаисцы смѣнили Севастопольцевъ, а эти послѣдніе отошли за правый флангъ осадныхъ батарей. Орудійная перестрѣлка не умолкала, у насъ были небольшія потери: человекъ 2, 3.

Утромъ, 24 октября, смѣнившись однимъ изъ баталіоновъ Имеретинскаго полка, Кутаисцы присоединились къ двумъ баталіонамъ этого полка, составивъ съ ними резервъ прикрытія лѣваго фланга.

Часовъ въ 11 по-полудни, турки, въ огромномъ числѣ пѣхоты и кавалеріи, сдѣлали вылазку, съ очевидною цѣлью овладѣть нашими батареями.

По показаніямъ лазутчиковъ, въ вылазкѣ принимала участіе большая половина Карскаго гарнизона. Бой начался сильнымъ огнемъ изъ всѣхъ фортовъ. Пѣхота, открывъ учащенную стрѣльбу, быстро наступала густой цѣпью. Кавалерія намѣревалась охватить нашъ лѣвый флангъ.

Командиръ Имеретинскаго полка, полковникъ Карасевъ, приказалъ своимъ баталіонамъ разсыпаться цѣпью и открыть огонь...

Турки остановились и залегли.

Около часа шла жаркая перестрѣлка.

Турки — ни взадъ, ни впередъ...

На поддержку кавалеріи, вышло еще нѣсколь-  
ко таборовъ (баталіоновъ): лѣвому флангу грозила боль-  
шая опасность... Полковникъ Карасевъ приказываетъ  
Кутаисцамъ и 2-мъ орудіямъ 19 бригады — отразить  
охватъ... Кутаисцы бросаются бѣгомъ и, ставъ въ  
боевую линію, открываютъ огонь. Артиллерія засыпа-  
етъ картечью. Но турки и не думаютъ отступить. Тог-  
да полковникъ Карасевъ, видя бесполезность одной пе-  
рестрѣлки, приказываетъ Кутаисцамъ перейти въ на-  
ступленіе. Мигомъ вскочили Кутаисцы и понеслись на  
турокъ. Такъ несется степной ураганъ, готовый уничто-  
жить, смять все, что попадется на пути... Офицеры  
бѣгутъ впереди, берутъ у раненныхъ ружья, стрѣля-  
ють, это еще болѣе воодушевляетъ солдатъ...

Турки доводятъ огонь до неимовѣрной силы. Раз-  
свирѣпѣвшіе форты посылаютъ гранату за гранатой —  
и нѣтъ живаго мѣста, куда-бы ни попалъ снарядъ...  
Тамъ и тутъ падаютъ раненные, раздаются жалобные  
стоны. Осколки рвущихся гранатъ, точно стая воронъ,  
летятъ въ воздухъ, ища добычи...

„Помогите, братцы!“ вопить солдатъ, раненный въ  
ногу. Четверо носильщиковъ поднимаютъ его. Тотъ  
крестится, что такъ дешево отдѣлался. Горькое разо-  
чарованіе! Въ носилки попадаетъ граната, лопаются —  
и въ клочки разноситъ раненныхъ и санитаровъ.

Но ничто не смущаетъ Кутаисцевъ, рѣшившихся  
во чтобы то ни стало дойти до штыковъ... Вотъ наши



молодцы подбѣгаютъ близко: видно замѣшательство турокъ. Еще одинъ послѣдній напоръ—и турки бѣгутъ, бѣгутъ безъ оглядки, бросая раненныхъ, убитыхъ, ружья и ящики патроновъ.. Турецкіе офицеры выскакиваютъ впередъ, махаютъ пашками, бьютъ своихъ правовѣрныхъ, — но поздно! Беспорядочное бѣгство единственное спасеніе оторопѣвшаго непріятеля...

Турки прогнаны. Кутаисцы отходятъ къ прежнему мѣсту—резерву прикрытія. Утомленные и голодные, они остаются здѣсь до вечера, а затѣмъ отправляются домой—отдохнуть отъ славныхъ трудовъ. Восторженное „ура“ и пушечные выстрѣлы встрѣчаютъ ихъ при входѣ въ лагерь.

Дѣло Кутаисцевъ 24-го октября обратило на себя всеобщее вниманіе. Дѣйствительно, взявъ 8-ми ротами, не имѣя никакой поддержки, сильное укрѣпленіе, защищаемое многочисленнымъ гарнизономъ; отбить, затѣмъ, все тѣми-же 8-ми ротами всѣ атаки непріятеля и навести на него такой страхъ, что открывалась даже возможность овладѣть цѣлою крѣпостью; наконецъ, обратить въ бѣгство половину Карскаго гарнизона и тѣмъ спасти наши батареи отъ неминуемой гибели: все это составляло поистинѣ безпримѣрный, молодецкій подвигъ...

Будь у насъ подкрѣпленіе—и Карсъ непремѣнно палъ-бы въ ту же ночь. Однако, это далеко не наше личное, *пристрастное* мнѣніе. Нѣтъ, такъ думали мно-

гія высшія лица, но неожиданный успѣхъ Кутаисцевъ засталъ всѣхъ врасплохъ...

Тѣмъ не менѣе, безъ этихъ возможныхъ послѣдствій, дѣло наше 24 октября оказало безспорно-важное вліяніе на дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій Кавказскаго корпуса, показавъ, по незабвеннымъ словамъ Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго Кавказской арміи: „дорогу къ штурму Карса.“

---

## V.

Передвиженіе изъ Визинкева.—Указанія Его Императорскаго Высочества для штурма Карса.—Диспозиція.—Выступленіе.—Ходъ боя (планъ).—Трофеи.—Объѣздъ войскъ главнокомандующимъ Кавказской арміи.

Въ полдень, 25 октября, вслѣдствіе полученной отъ генерала Алхазова телеграммы, два баталіона Кутаискаго полка, за исключеніемъ двухъ ротъ, оставленныхъ въ Визинкевѣ, выступили изъ лагеря и въ ту же ночь принялись, подъ руководствомъ инженеръ-полковника Бульмеринга, строить новыя осадныя батареи и окопы для прикрытія.

Къ разсвѣту 4-ре батареи были окончены и вооружены 24-хъ фунтовыми орудіями.

Только часовъ въ 9-ть утра, 26 числа, турки замѣтили наши батареи и открыли по нимъ убійственный огонь со всѣхъ ближайшихъ укрѣпленій; но мы имъ не отвѣчали. Это какъ будто дразнило турокъ: они стали стрѣлять по одиночнымъ людямъ.



28-го числа къ намъ присоединился 3-й баталіонъ и Владикавказскій пѣхотный полкъ, чередуясь съ которыми, мы ходили въ прикрытіе батарей.

Смѣнившіяся части отходили въ лагерь, расположенный верстахъ въ 3-хъ отъ батарей. Испытанныя на Визинкевѣ бѣдствія увеличились здѣсь отсутствіемъ какой-бы то ни было воды и рѣзкими холодами. Солдаты сгребали снѣгъ съ палатокъ и растапливали его въ котелкахъ. Не смотря на семиверстное разстояніе, отдѣлявшее лагерь отъ Карса, турки по ночамъ тревожили насъ гранатами.

Болезни усилились—и съ каждымъ днемъ уносили новыя жертвы. Оставаться въ такомъ неблагопріятно-выжидательномъ положеніи—значило-бы погубить людей. Въ самомъ дѣлѣ. Обезпеченные продовольствіемъ, теплою одеждою, боевыми припасами, пользуясь несравненно лучшими санитарными условіями, турки были не прочь, хоть всю зиму, выдерживать осаду... Но каково было намъ, безъ полушубковъ, въ рѣденькихъ палаткахъ, простоять здѣсь еще мѣсяца два-три?!

Повторяемъ, бомбардированіе Карса не предвѣщало успѣха. Нужно было рѣшиться на чтонибудь другое. На что-же именно? Штурмовать и непременно ночью!

Благодаря Хафизскому дѣлу, мысль о ночномъ штурмѣ окончательно восторжествовала. Отсюда мы еще разъ видимъ, какое громадное значеніе имѣлъ подвигъ Кутаисцевъ.

Штурмъ назначенъ былъ съ 1-го на 2-е ноября, но поднялась такая страшная мятель, что пришлось его отложить.

Ночь съ 5-го на 6-е ноября была знаменательной ночью.....

Основаніемъ для выполнения штурма Карса служили, между прочимъ, слѣдующія указанія \*), преподанныя Его Императорскимъ Высочествомъ главнокомандующимъ Кавказской арміей: „Войска, блокирующія Карсъ, имѣютъ овладѣть укрѣпленіемъ: Сувари, Канлы, Хафисъ-Паша. Нападеніе должно быть сдѣлано внезапно, стараясь забрать въ плѣнъ, или истребить гарнизоны этихъ укрѣпленій. Одновременно съ атакой на эти укрѣпленія, демонстрировать противъ остальныхъ пунктовъ оборонительной линіи непріятеля, дабы отвлечь вниманіе и силы противника отъ дѣйствительнаго направленія атаки. Демонстраціи эти допускаются обратити въ рѣшительное дѣйствіе, пользуясь оплошностью непріятеля, или другими благопріятными обстоятельствами, но не иначе, какъ малыми частями, въ видѣ попытки, во избѣжаніе потерь.....

*При совершенно исключительныхъ условіяхъ, какъ, напримѣръ, полная паника непріятеля, дозволяется подобное предпріятіе и относительно Карадага, не упуская изъ виду чрезвычайной трудности и умнѣнья его выполненія...“*

---

\*) См. „Война въ Азіатской Турціи“, выпускъ третій, стр. 406-я. Изъ втораго выпуска, гл. X, заимствовано въ извлеченіи описаніе позиціи, послѣ переправы полка черезъ Арпа-Чай.



На основаніи этихъ указаній, составлена была диспозиція, по которой Кутаисцы, Владикавказцы и 1-я батарея 40-й артиллерійской бригады, составивъ колонну подъ начальствомъ генерала Алхазова, предназначались для штурма Хафиса.

Въ 7-мь часовъ вечера колонна выступила изъ лагеря въ слѣдующемъ порядкѣ: 2-й и 3-й баталіоны, прикрываемые охотниками Кутаискаго и Владикавказскаго полковъ, а также—стрѣлковой цѣпью, составили боевую линію. 1-й баталіонъ, какъ поздно вернувшійся съ батарей, поступилъ въ общій резервъ колонны. Для штурма Хафиса, по приказанію генерала Алхазова, войска были распредѣлены такимъ образомъ: 2-й и 3-й баталіоны Кутаисцевъ, обходя Хафисъ, должны были его штурмовать со стороны Карадага; а два баталіона Владикавказцевъ—со стороны осадныхъ батарей.

Стояла тихая морозная ночь. Луна, слабо пробиваясь сквозь сѣроватую мглу, тускло и не на далекомъ пространствѣ озаряла очертанія предметовъ...

Ночь удалась, какъ нельзя болѣе, удобная для внезапнаго нападенія: съ одной стороны, темнота не позволяла туркамъ замѣтить насъ издали; а съ другой—было настолько свѣтло, что мы не могли сбиться съ направленія. Проводниковъ съ нами не было.

Въ буркѣ, съ плетью въ рукахъ, вмѣсто всякаго оружія, ѣхалъ впереди полковникъ Оадѣевъ, за нимъ, стройно, медленно подвигались Кутаисцы... Приказанія отдавались въ полголоса. Курить не позволено. Собаки остав-

лены въ лагерѣ. Приняты всѣ предосторожности, чтобы не заявить о себѣ раньше времени...

Когда мы уже были вблизи и нѣсколько правѣе Хафиса, подъѣхалъ адъютантъ начальника отряда и, обращаясь къ полковнику Оадѣеву, сказалъ: „генераль Лазаревъ приказалъ вамъ, гдѣ я васъ застаю, тамъ и остановиться...“

Не трудно понять, какъ это приказаніе всѣхъ насъ поразило. Каждый догадывался по своему: или начальство признало невозможнымъ штурмовать,—и мы возвратимся назадъ, или не всѣ наши колонны приготовились къ бою—и намъ приходится ихъ поджидать, или... да мало-ли какого „или“ лѣзло въ то время въ голову?...

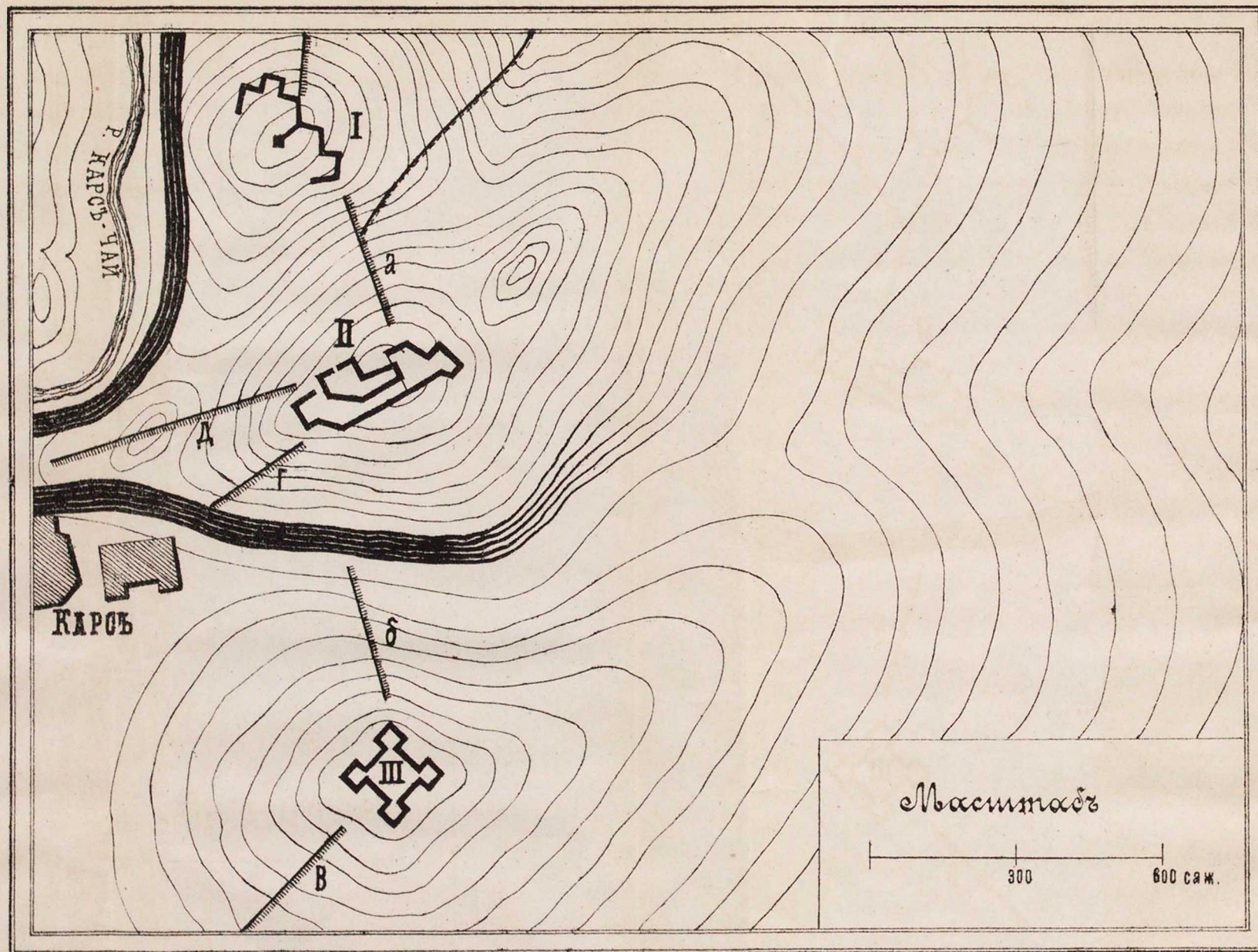
Во всякомъ случаѣ, кто-же изъ насъ не сознавалъ, что мы упускаемъ лучшій моментъ для штурма, такъ какъ турки, судя по ихъ гробовому молчанію, насъ не ожидаютъ...

Въ томительномъ ожиданіи новаго приказанія проходить, приблизительно, часа 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub>, а каждая минута кажется вѣчностью... Вдругъ, выстрѣлъ... Это уже не очередной... Увидѣли... Нѣтъ сомнѣнія! За первымъ—другой, десять сразу, и загремѣло, затрещало въ воздухѣ... Наконецъ-то прискакалъ казакъ и доложилъ, что приказано наступать... „Роты, впередъ!“ громко раздалась команда: намъ уже нечего таить! Перекрестясь, дружно рванулись мы на штурмъ,—теперь все зависило отъ быстроты движенія и силы удара...









Пояснение къ плану. Пленіе Карсъ-гая съ юга на сѣверъ.  
 Укрѣпленія: I. Арабъ, II. Харадая, III. Кафизъ-паша; южнѣе находится  
 укрѣпленіе Канлы. а б в - траншеи, соединяющія Арабъ, Харадая,  
 Кафизъ-пашу и Канлы, г д - съ предѣлъми и городомъ.



Вотъ мы входимъ въ пространство между Хафисомъ и Карадагомъ. Перекрестный огонь Хафиса, Карадага и траншеи, соединяющей ихъ, способенъ удерживать какой угодно порывъ.

Гранаты бороздятъ землю... Картечь вырываетъ ряды... Пули съ воемъ проносятся надъ нами и между нами.....

Правый фасъ Хафиса—мы знали это по опыту—составлялъ его слабое мѣсто, отсюда всего легче овладѣть укрѣпленіемъ; но теперь намъ мѣшала траншея, соединяющая Хафисъ съ Карадагомъ. Чтобы не подвергаться ей фланговому огню, нужно было, прежде всего, выбить оттуда турокъ и, затѣмъ, дѣйствовать, какъ укажутъ дальнѣйшія обстоятельства, т.-е. штурмовать Хафисъ, или идти на Карадагъ. Поэтому, не доходя до волчьихъ ямъ шаговъ 15—25, полковникъ Өадѣевъ крикнулъ „ура!“ Солдаты живой стѣной бросились на орудія. Турки сопротивлялись не долго и, оставивъ намъ 5-ть орудій, разбѣжались: большинство—на Карадагъ, нѣкоторые—въ городъ. Увлеченные преслѣдованіемъ послѣднихъ, охотники и двѣ стрѣлковыя роты ворвались въ Карсъ. Остальнымъ ротамъ дано было направленіе на Карадагъ, и въ тоже время полковникъ Өадѣевъ, обращаясь къ находившемуся при немъ казаку, приказалъ: „скажи къ генералу Алхазову и доложи ему, что я иду на Карадагъ..“

Спасаясь отъ Кутаисскихъ штыковъ, турки спѣшатъ на траншею, соединяющую Карадагъ съ пред-

мѣстемъ Байрамъ-Паша. Траншея эта, усиленная батареей съ 9-ю орудіями, охраняла доступъ къ укрѣпленію. Высокій, обложенный камнемъ, брустверъ, сильна фланговая поддержка изъ Карса, сразу ободряютъ непріятеля: онъ встрѣчаетъ насъ выдержанными залпами.

Но, не останавливаясь ни на мгновеніе, Кутаисцы врываются въ траншею. Вотъ тутъ-то и началась настоящая бойня... Собравъ всю силу, стойкость, турки дерутся отчаянно. Борьба на жизнь и смерть! „ура“, „Алла“, крики: „братцы, дружнѣй!“ стоны раненныхъ, хрипѣніе умирающихъ, лязгъ оружія, трескъ прикладовъ: все перемѣшалось! Нѣсколько разъ орудія переходятъ изъ рукъ въ руки. Успѣхъ колеблется... „Лихо Кутаисцы, лихо Кутаисцы! штыки, ребята!“ раздается среди этой ужасной свалки знакомый голосъ командира...

Турки дрогнули, но съ послѣдней надеждой задержать насъ—бросаются въ третью траншею, соединяющую Карадагъ съ городомъ. Кутаисцы—за ними, смяли переднихъ, другіе побѣжали въ лагерь. Кутаисцы не отстаютъ: овладѣваютъ лагеремъ...

Турки разсѣиваются по всей горѣ. Каждый камень, каждая выбоина служитъ имъ закрытіемъ. Идетъ одиночный бой.

Пользуясь разстройствомъ и полнымъ смятеніемъ непріятеля, Эдѣевъ торопится овладѣть Карадагомъ.

„Братцы, на Карадагъ, за мной!“ кричитъ полковникъ. Вокругъ него, собралось человекъ 50-ть, и съ



этой горестью отважныхъ храбрецовъ онъ идетъ на штурмъ Карской твердыни. 3 роты, поставленныя противъ Байрамъ-Паша, обезпечиваютъ тылъ. Едва турки замѣтили приближеніе Кутаисцевъ, какъ съ свойственнымъ имъ умѣніемъ открыли убійственный огонь; но мы поднимались въ гору—и поэтому тучи пуль пролетаютъ надъ головой.

Между тѣмъ, поручикъ Архангельскій съ своей ротой, карабкаясь по едва доступнымъ крутизнамъ и тѣся шагъ за шагомъ упорно обороняющагося непріятеля, поднимался къ Зиарету. Полковникъ Ѳадѣевъ, не доходя до горжи шаговъ 30—40, замѣтивъ поручика Архангельскаго, остановился—подождать его.

„Берите Зиаретъ“,—приказалъ ему Ѳадѣевъ,—когда приблизился Архангельскій.

А самъ, подойдя безъ выстрѣла шаговъ на 20 къ защитникамъ, крикнулъ: „ребята, въ штыки!“ Солдаты бросились на скучившіяся толпы непріятеля, сбили переднихъ; остальные, напирая одинъ на другаго, умчались частью на Карадагъ, частью въ Арабъ...

Преслѣдуемые турки прятались въ казармахъ, пороховыхъ погребахъ, палаткахъ—вездѣ, гдѣ только представлялась какая-либо возможность укрыться отъ нашихъ штыковъ.

Проникая все дальше и дальше во внутрь Карадага, мы настигли бѣгущихъ у послѣдняго вала и, окруживъ ихъ, заставили положить оружіе. Болѣе 200 человекъ попало въ плѣнъ.

Въ тоже время, 8-я рота, съ поручикомъ Архангельскимъ, подсаживая другъ друга на плечахъ, взобралась на Зіаретъ съ тыла (ворота были завалены бревнами), вступила въ рукопашную схватку, овладѣла 3-мя орудіями, взяла 40 человекъ плѣнныхъ солдатъ, одного штабъ-и двухъ оберъ-офицеровъ. Штабъ-офицеръ былъ комендантъ укрѣпленія.

Вслѣдъ затѣмъ привели тѣхъ защитниковъ, которые попрятались кто гдѣ попало. Плѣнныхъ набралось болѣе 400 человекъ. Они насъ связывали по рукамъ и ногамъ. Отправить ихъ въ лагерь—не съ кѣмъ: каждый солдатъ дорогъ, и, кромѣ того, не безопасно: приходится вести ихъ подъ выстрѣлами укрѣпленій. Оставить здѣсь—тоже нельзя: нужно приставить къ нимъ карауль, насъ и безъ того мало, а турки во чтобы то ни стало хотятъ вернуть Карадагъ. Оставить ихъ на свободѣ—очень рискованно: вѣдь, они могутъ поддержать своихъ! Но необходимость такъ или иначе развязаться съ этой обузой сознавалась даже солдатами.

Такъ, нѣкоторые, обращаясь къ полковнику Оадеву, говорили: „Ваше в—іе, отправимте плѣнныхъ въ лагерь: ихъ ужъ больно много“. На томъ и порѣшили: взводъ солдатъ, подъ командой унтеръ-офицера, повелъ плѣнныхъ въ лагерь. Потомъ мы узнали, что турки дошли все до одного, при конвоѣ въ 20—30 человекъ!



Пока Өадѣевъ, устраивая части, принималъ мѣры твердо стать и держаться въ Карадагѣ, горсть охотниковъ, подъ начальствомъ подпоручика Полисадова, преслѣдуя бѣгущихъ, проникла до самаго Араба, но, наткнувшись здѣсь на огромныя массы турокъ, должна была отступитъ, потерявъ своего неустрашимого начальника и большинство товарищей.

Въ 10 часовъ ночи грозный и недоступный Карадагъ находился въ рукахъ Кутаисцевъ, съ паденіемъ же этого главнаго оплота Карса—мы могли смѣло рассчитывать на успѣхъ всего штурма. Тотчасъ, по взятіи укрѣпленія, полковникъ Өадѣевъ послалъ казака съ донесеніемъ генералу Алхазову. Но посланный, возвратившись, доложилъ, что нигдѣ не могъ найти генерала. Какъ разъ въ это время на Хафисѣ раздалось „ура“... Все укрѣпленіе одѣлось ослѣпительными огнями... Мало-по-малу они погасаютъ; „ура“—все слабѣе... Хафисъ смолкъ.

Өадѣевъ посылаетъ трехъ охотниковъ Кутаисскаго полка отыскать непременно начальника колонны и въ случаѣ, если Хафисъ взятъ, попросить у генерала подкрѣпленій—штурмовать Арабъ.

Охотники нашли начальника колонны и, вернувшись на Карадагъ, подали полковнику Өадѣеву записку, написанную наскоро, на клочкѣ бумаги. Въ запискѣ стояло слѣдующее: „Держаться на Карадагѣ и, если можно повернуть орудія, то направить ихъ на Арабъ и городъ. Генералу Шатилову послано приказаніе, чтобы онъ съ войсками выступилъ въ

Карадагъ. Когда онъ придетъ, то вы сойдете на Хафисъ, чтобы привести войска въ порядокъ.

Генераль *Алхазовъ*."

Одновременно съ получениемъ этой записки, на Карадагъ пришли 4-ре роты 1-го баталіона и принесли съ собой радостную вѣсть: Хафисъ взятъ!

Но овладѣніе Карадагомъ—еще половина дѣла, нужно удержать его. Мухлисъ и Арабъ мстятъ за потери своего собрата. Турки ведутъ рядъ смѣлыхъ атакъ (въ томъ числѣ одну кавалерійскую), но все напрасно! Участь Карадага рѣшена безповоротно: онъ—нашъ.

Мало того: теперь можно идти дальше, овладѣть Арабомъ и, слѣдовательно, очистить отъ турокъ правый берегъ Карсъ-Чая. Все это задумалъ Өадѣевъ и послалъ трехъ охотниковъ къ генераль-лейтенанту Шатилову доложить о занятіи Карадага и попросить подкрѣпленія. Охотники, вернувшись въ Карадагъ, доложили Өадѣеву, что генераль Шатиловъ приказалъ имъ передать: „если Өадѣевъ взялъ Карадагъ, я самъ возьму Арабъ.“

Наступалъ тотъ неясный полусвѣтъ, который предвѣщаетъ восходъ солнца. Огонь не умолкалъ. Гранаты—то по одиночкѣ, то по нѣскольку сразу непрерывно падали въ Карадагъ и, ударяясь о камни, обдавали осколками. Разставивъ цѣпь по banquetу укрѣпленія, для наблюденія за непріателемъ, полковникъ Өадѣевъ стянулъ все роты, чтобъ броситься на Арабъ...



Вдругъ, между Карадагомъ и Арабомъ показались густыя колонны. Наши-ли это, или турки? Роты снова заняли укрѣпленіе. Колонна, пройдя мимо Карадага, съ крикомъ „ура!“ бросается на траншею, соединяющую Карадагъ и Арабъ. Мы узнаемъ своихъ и привѣтствуемъ ихъ, въ свою очередь, радостнымъ „ура“.

Послѣ оказалось, что на Арабъ пошла Мацринская колонна, подъ начальствомъ генераль-маіора Рыдзевскаго, предшествуемая охотниками, подъ командой поручика Кутаисскаго полка, Тхоржевскаго. Арабъ—взятъ. Начальникъ дивизіи сдержалъ слово...

Къ 9-ти часамъ утра канонада прекратилась..... Карсъ палъ.

Обратимся теперь къ 1-му баталіону, находившемуся подъ начальствомъ капитана Левинскаго.

Какъ уже сказано раньше, Хафисъ, по приказанію начальника колонны, должны были штурмовать два баталіона Кутаисцевъ и два—Владикавказцевъ. Кутаисцы, минуя его, повернули на Карадагъ.

Хафисъ атаквали Владикавказцы, но, встрѣченные жестокимъ огнемъ изъ укрѣпленія и поражаемые во флангъ со стороны траншеи, соединяющей Хафисъ и Кавлы, они отступили отъ Хафиса и ударили на траншею. Турки были смяты. Владикавказцы, преслѣдуя ихъ, ворвались въ городъ. Тогда на штурмъ пошелъ послѣдній баталіонъ Владикавказцевъ. Но храбрая атака одного баталіона не могла сломить грозныхъ защитниковъ. Въ распоряженіи генерала Алхазова находился еще первый баталіонъ Кутаисскаго пол-

ка, которому онъ приказаль овладѣть укрѣпленіемъ. Кутаисцы, знакомые съ Хафисомъ по 24-му октября, дружно бросились на брустверь и, не смотря на упорное, отчаянное сопротивленіе, ворвались въ укрѣпленіе и перекололи большинство гарнизона... Уцѣлѣвшая часть побѣжала въ Карсъ, а за ней, по пятамъ, устремилась рота, подъ командой поручика Царевского. Наши трофеи при штурмѣ Карса: болѣе 400 плѣнныхъ, множество значковъ, 31 орудіе, 3 мортиры.

За штурмъ Карса, полковникъ Оадѣевъ получилъ, помимо Георгія 4 ст., Георгія 3 ст. Такая особая Монаршая милость сама собою оцѣниваетъ подвигъ, отводя ему почтенное мѣсто въ ряду блестящихъ дѣлъ славной Кавказской арміи.

Георгіевскими крестами награждены: поручики — Архангельскій, Квятковскій и Тхоржевскій. Золотое оружіе получилъ капитанъ Левинскій. Всѣмъ тремъ баталіонамъ, за штурмъ Карса, пожалованы Георгіевскія знамена.

Въ 2 часа по-полудни, 6-го ноября, сдавъ укрѣпленіе Абхазцамъ, вернулись въ лагерь... На другой день, полкъ прибылъ въ Карсъ. Его Императорское Высочество, главнокомандующій Кавказской арміи, объѣзжалъ войска и благодарилъ за подвиги. 8-го ноября полкъ, въ числѣ прочихъ войскъ, участвовалъ въ церковномъ парадѣ, бывшемъ по случаю тезоименитства Его Императорскаго Высочества. Послѣ молебствія, Его Высочество изволилъ еще разъ благодарить войска, на что они отвѣчали восторженнымъ, неумолкаемымъ „ура“.



## VI.

Продолженіе борьбы.—Зима.—Бѣдствія.—Саганлугскій походъ.—Расположеніе полка по селамъ.—Квартированіе.—Пища.—Болѣзни.—Движеніе 1-го баталіона въ г. Ольты.—Возвращеніе полка въ Карсъ.—Выступленіе въ г. Харьковъ.—Конецъ.

Штурмомъ Карса заканчивается вторая часть боевой дѣятельности Кутаисскаго полка и нашей кампаніи въ Мало-азіатской Турціи, вообще. Но борьба съ врагомъ была только на половинѣ. На первыхъ порахъ предстояло овладѣть Эрзерумомъ и Батумомъ. Поэтому вскорѣ, послѣ взятія Карса, 40-я дивизія на-легкахъ отправилась за Саганлугъ... Настала суровая зима, и бѣдствія, страданія стали неразлучными спутниками похода. Бѣдствія неисчислимыя, неотразимыя, предъ которыми блѣднѣло все испытанное прежде...

Кто сумѣетъ ихъ описать?

Тутъ, что ни человѣкъ, то герой-мученикъ: герой—генераль, герой—вонъ тотъ невзрачный обозный, что весь посинѣлъ отъ холода и по поясъ въ снѣгу плетется за фурой. Тутъ, что ни шагъ, то цѣлая повѣсть страданій безъ конца. Теперь, когда все пережитое такъ далеко отодвинулось въ прошедшее, что сдѣлалось „сказкой казарменной“,—теперь оно кажется чѣмъ-то непостижимымъ, какимъ-то страшнымъ сномъ... Главное, помочь бѣдѣ было нечѣмъ. Дѣлалось все, что возможно, но въ томъ-то и горе, что это „все“ было каплей въ морѣ. Всѣ, начиная съ высшихъ и кончая низшими начальниками, жертвуя здоровьемъ, жизнью

наконецъ, приносили посильную помощь общей нуждѣ. Напримѣръ, генераль Гейманъ, начальникъ засаганлугскаго отряда, ежедневно посѣщаль госпиталя, ободряя и облегчая, насколько могъ, плачевную судьбу больныхъ; онъ кончилъ тѣмъ, что заразился тифомъ и умеръ въ Карсѣ, горько оплакиваемый всѣми, кто имѣлъ счастье знать его, хоть немного.

А Шелковниковъ, Губскій? а 40 врачей, погибшихъ жертвой тифа?

Однако, не смотря на великое самоотверженіе, люди гибли тысячами, гибли какъ трава, подъ руками безопаднаго косаря. Что, на самомъ дѣлѣ могли мы сдѣлать въ непрерывной борьбѣ съ такимъ неуязвимымъ врагомъ, какъ тифъ, уносившимъ ежедневно сотни героевъ въ безвременную могилу? А, когда къ этому бичу присоединились -- голодъ и холодъ, то, спрашивается, что мы могли противопоставить несокрушимой силѣ могущественнаго союза? Почти ничего, такъ что наша борьба изъ послѣднихъ силъ сводилась на нуль.... Подвозъ провіанта, лекарствъ и другихъ предметовъ первой необходимости, по непроходимымъ дорогамъ Саганлуга, дѣлался почти невозможнымъ. Вьючные транспорты лошадей и верблюдовъ, съ большимъ трудомъ и потерями, проходили по едва замѣтнымъ, заносимымъ чуть не ежеминутно, горнымъ тропинкамъ. Но всѣ эти несчастныя животныя заняты были всю зиму, главнымъ образомъ, перевозкой самонужнейшихъ предметовъ для войскъ, занимавшихъ Деве-



боинскую позицію и стоявших на снѣгу въ палаткахъ. Выступая изъ подъ Карса, мы даже представить себѣ не могли, что ждало насъ въ недалекомъ будущемъ...

Привыкши не думать о завтрашнемъ днѣ, всѣ были беззаботно веселы, только старые вояки, рассказывая объ ужасахъ зимняго похода, говорили, что все пережитое лѣтомъ и осенью—только цвѣточки, ягодки будутъ впереди. Но мы не вѣрили этимъ мрачнымъ предсказаніямъ...

Вернемся къ началу. Не задолго передъ выступленіемъ, солдатамъ выдали полушубки, но не на всѣхъ, а съ такимъ расчетомъ, чтобы ими могли пользоваться часовые и дневальные. Обувь у большинства износилась до-нельзя, такъ что живописные остатки ея надѣвались больше ради приличія. Многіе ходили буквально безъ подошвъ. Вполнѣ исправные сапоги представляли почти несуществующую рѣдкость. Солдаты чинили ихъ домашними средствами; одни навязывали къ уцѣлѣвшимъ голенищамъ „чарохи“ (кожаные лапти), другіе наворачивали на ноги какъ можно больше тряпокъ, а сапоги связывали ремешками. Офицеры тоже пообносились: мундиры и сюртуки оборвались, обтрепались, чинить ихъ было негдѣ. Верхняя одежда просилась на покой. Приходилось, по необходимости, облекаться въ разнообразныя одѣянія: вмѣсто мундировъ и сюртуковъ, являлись архалуки, поддевки и полушубки; на головѣ красовались папахи всѣхъ сортовъ и кепи...

27-го ноября полкъ снялся съ лагеря и, захвативъ на роту по палаткѣ, тронулся въ путь, распростившись съ своимъ кровнымъ дѣтищемъ—Карсомъ. Не многимъ пришлось его снова увидѣть, но кто-же зналъ объ этомъ? По обыкновенію, мы шли съ пѣснями, и даже, добытая гдѣ-то разстроенная гармоника, своимъ раздрающимъ пискомъ, вносила въ душу что-то обаятельное, родное. Первая станція (Большая Тикма) была очень велика: только къ вечеру мы добрались до села, въ которомъ, по маршруту, полагался ночлеги. Пришли все мокрое, такъ какъ на иныхъ ручейкахъ ледъ обламывался подъ впереди идущими, а остальные шагали по поясъ въ ледяной водѣ. Вдобавокъ, все сакли заняли расположенные здѣсь Московскіе гранадеры, и на бивуакѣ пришлось ночевать подъ открытымъ небомъ.

Морозъ трещалъ порядочный, а костровъ, за неимѣніемъ топлива, развести было нельзя. Нѣкоторые офицеры остались съ солдатами наслаждаться прелестями зимней ночи, суша холодомъ промоченную одежду, а другіе, послѣ долгихъ трудовъ и хлопотъ, отбили-таки себѣ какой-то *саманникъ*, съ провалившейся крышей, представлявшей, по крайней мѣрѣ, то удобство, что тамъ можно было лежать на саманѣ (мелко изрубленной соломѣ), а не на голой землѣ.

До сихъ поръ полкъ ни разу не разъединялся: мы были въ походахъ и въ дѣлахъ вмѣстѣ, исключая 24 октября. Теперь-же намъ пришлось разойтись по селамъ. Обстоятельство это сильно огорчало всехъ: за походъ



мы такъ всё сблизились, такъ привыкли другъ къ другу, что составили какъ-бы одну тѣсносплоченную семью. На другой день, 3-я стрѣлковая рота, подъ командой штабсъ-капитана Шатилова, отдѣлившись въ сторону, заняла село Чаплахлы, откуда, черезъ нѣсколько дней, двинулась на соединеніе съ баталіономъ.

30-го числа полкъ пришелъ въ Саракамышъ, осетинское село, отъ котораго, собственно, и начинается Саганлугскій переваль. Кругомъ лежалъ глубокой снѣгъ; горы, покрытыя хвойнымъ лѣсомъ, пріятно насъ поразили: съ самаго перехода границы мы ничего подобнаго не видѣли. Сакли, построенныя изъ бревенъ и содержимыя довольно опрятно, показались намъ чуть не дворцами, сравнительно съ армянскими и куртинскими норами, извѣстными намъ до сихъ поръ. Слѣдующій день будетъ, вѣроятно, долгопамятенъ Кутаисцамъ.

Дорогу черезъ переваль (около 24 верстѣ) разрабатывали наскоро саперныя команды, такъ что мостики въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не отличались прочностью; сплошной подъемъ въ 10—12 верстѣ, изгибающійся по ущельямъ и скатамъ горъ, былъ въ высшей степени труденъ, лошади, по обыкновенію, стали на первой-же верстѣ, верблюды то и дѣло падали, скользя по обледѣнѣвшей дорогѣ. Непригодность нашего обоза сказывалась на каждомъ шагу; форменныя телѣги были до того тяжелы, что наши надорванныя за походъ лошади едва тащили пустую фуру. Упряжь, на взглядъ очень красивая, оказалась тоже никуда негодной. Вообще, обозъ былъ истиннымъ наказаньемъ для войскъ и

тормозя всегда движеніе ихъ, переморилъ всѣхъ лошадей. Духоборскіе и нѣмецкіе фургоны, перевозившіе въ сущности, одни всѣ тяжести, могли служить образцомъ легкаго, прочнаго и вмѣстительнаго обоза.

На узкой дорогѣ, выющейся по скатамъ, едва-едва устанавливался фургонъ, а между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обрывы достигали 10-ти и болѣе сажень. Нѣсколько фуръ и зарядныхъ ящиковъ слетѣли съ обрыва, но несчастій, въ смыслѣ смерти или увѣчья, съ людьми не было. Часовъ въ 12 ночи обозъ втащили на вершину перевала. Далѣе дорога шла подъ гору. Обозъ укатилъ впередъ, а рабочіе, почти весь полкъ, изнеможенные тяжелымъ трудомъ цѣлаго дня, сбились въ кучу, разсѣлись на снѣгу подъ деревьями, и развели огонь. Къ счастью, топливо находилось подъ рукой, а то многихъ и очень многихъ мы недосчитались-бы на другой день: всю ночь и весь день подходили къ селу бѣдняги; впрочемъ, на ночлегъ было не лучше: всѣ сакли здѣсь, какъ и въ Тикмѣ, заняли проходившіе войска. Офицеры кое-какъ отвоевали себѣ полуразрушенный саманникъ, съ лужами на полу отъ растаявшаго снѣга, и разлеглись въ повалку съ деньщиками и лошадьми. Село это называлось Сарбасанъ; расположено оно въ оврагѣ и въѣздъ къ нему такъ крутъ, что обозъ на другой день спускали по веревкамъ, выпрягнувши напередъ лошадей.

Отсюда полкъ, согласно распоряженію начальника засаганлугскаго отряда, разошелся въ разныя стороны. Штабъ полка размѣстился сначала въ Дели-Баба, по-



томъ передвинулся въ Омракомъ и, наконецъ, въ селеніе Тудо-Веранъ. 3-й баталіонъ, послѣ нѣкоторыхъ передвиженій, вступилъ въ Гассанъ-Кала — гнѣздо тифозной заразы. Съ перваго-же дня стали болѣть люди; въ ротахъ, изъ 150 человекъ, черезъ двѣ недѣли насчитывалось едва 15—20. Офицеры не отставали отъ солдатъ, и случалось прапорщику командовать 2—3 ротами.....

2-й баталіонъ, находясь въ селеніи Гулянъ-Тапа, для разработки дороги по р. Арпа-Чай и устройства моста черезъ эту рѣку, выступилъ 7-го января, въ г. Гассанъ-Кала, но 6 и 7 роты были оставлены въ с. Хоросанъ и Яганъ, для устройства прибывающихъ туда военно-временныхъ госпиталей; затѣмъ роты передвинулись: 5-я—въ сел. Большой Яганъ, 8-я—въ сел. Зарсъ, а 2 стр.—въ Тудо-Веранъ.

Первый баталіонъ расположился по селамъ: Сарбасанъ, Еникей и Зіакъ; но вскорѣ баталіонъ перешелъ въ Зивинъ и Караухюнъ.....

---

Теперь начались тѣ ужасы зимней кампаніи, о которыхъ мы прежде и слышать не хотѣли. Скажемъ обо всемъ по порядку,

Не смотря на широкій раіонъ расквартированія полка по всему Каракуртинскому тракту, все и всюду терпѣли крайнее неудобство въ помѣщеніяхъ. Лучшіе, сравнительно, дома занимались лазаретами и госпиталями. Что-же служило намъ убѣжищемъ въ эти трескучіе

морозы? Темныя, холодныя, сырыя землянки, безъ наръ и печей. Нужно прибавить сюда грязь, отвратительную вонь, мириады насѣкомыхъ—и вотъ вамъ наши обиталища!

Скученное размѣщеніе людей, вмѣстѣ съ домашними животными, дѣлало и безъ того затхлый воздухъ землянокъ—просто невыносимымъ; конечно, этотъ, по выраженію солдатъ, „тяжелый духъ“, служилъ одной изъ главныхъ причинъ развившейся тифозной заразы. Воздухоочистительныхъ средствъ мы не имѣли; чтобы какъ нибудь освѣжить сакли, пробовали—было дѣлать въ стѣнѣ отдушины, но это вызывало сильный ропотъ въ средѣ жителей, такъ какъ врывавшійся холодъ очень вредилъ изнѣженнымъ, завернутымъ въ ковры, буйволамъ....

Въ продолженіи зимы люди довольствовались изъ котла. Приобрѣтеніе жизненныхъ продуктовъ соединялось съ большими трудностями и хлопотами: жители ауловъ прятали, оставшіеся отъ реквизиціи турокъ, припасы и на всѣ наши настоятельныя требованія—отвѣчали грубымъ отказомъ. Въ котель клалось по 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> ф. мяса. Про мясо крайне истощенной скотины, какая шла намъ въ пищу—лучше и не говорить, достать-же лучшаго, хоть за какія угодно деньги, не представлялось возможнымъ. Не задолго до возвращенія изъ-за Саганлуга стали отпускать кислую капусту и солонину интендантскаго заготовленія, но продукты эти получались не всегда доброкачественными. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были мельницы, приготовляли муку, но мельницы почти всѣ остановились: отчасти потому



что замерзла вода, а нѣкоторыя умышленно портились турками, которые на каждомъ шагѣ старались приносить намъ вредъ. Такимъ образомъ, люди, по большой части, довольствовались сухарями, приготовленными изъ дурной ячменной муки и не всегда въ достаточномъ количествѣ. Чай и водка, являясь существеннымъ подспорьемъ дурно-питательной пищи, могли-бы поддерживать здоровье солдатъ; но силы были надорваны, тѣло застужено и всякая болѣзнь легко прививалась. Съ переходомъ черезъ Саганлугскій хребетъ, обнаружались единичные случаи заболѣванія тифомъ, а въ январѣ мѣсяцѣ онъ показалъ себя во всей ужасающей силѣ. И въ эту-то тяжелую пору полкъ лишенъ былъ врачебной помощи. Старшій врачъ Колпиковъ и младшій—Смирницкій, заболѣвшіе во время стоянки на Визинкевѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ, отправлялись въ Александропольскій госпиталь; врачъ Рапидовъ, оставшійся при 2-мъ баталіонѣ въ деревнѣ Каракуртъ, былъ, по распоряженію генерала Кишмишева, прикомандированъ къ мѣстному околodку; здѣсь, подавленный громаднымъ числомъ больныхъ, Рапидовъ дни и ночи работалъ съ изумительнымъ самоотверженіемъ. Фельдшера лежали въ тифѣ. Лекарства, не исключая и хины—имѣлись въ незначительномъ количествѣ. И вотъ, въ силу приведенныхъ выше неблагопріятныхъ условій, число больныхъ доходило до невѣроятной цифры: по возвращеніи въ Карсъ, мы едва насчитывали, — страшно сказать!—250 солдатъ, — но какихъ солдатъ? изнуренныхъ, обезсиленныхъ, еле передвигаю-

щихъ ноги. Опреѣлить—сколько умерло, сколько выздоровѣло изъ числа нижнихъ чиновъ, оставленныхъ въ саганлугскихъ госпиталяхъ, мы, не имѣя данныхъ, при всемъ желаніи, не можемъ. Въ то время, какъ остальные баталіоны, расположившись по селамъ, гибли отъ тифа; 1-му баталіону пришлось совершить тяжелый походъ. Скажемъ о немъ вѣсколько словъ.

31 декабря 1-й баталіонъ выступилъ изъ Зивина въ Яганъ. Путь хоть былъ недалекъ, но тѣмъ не менѣе труденъ. Шли безъ передышекъ, — на снѣгу не полагалось приваловъ. Яганъ—одно изъ лучшихъ сель, черезъ которое проходилъ полкъ. Жители его, армяне, встрѣтили баталіонъ очень радушно, что хорошо подействовало на избалованныхъ гостепріимствомъ солдатъ. Солдаты скоро передружились съ жителями до того, что ходили вмѣстѣ съ ними въ церковь, нянчили ихъ ребятишекъ и участвовали въ сельскихъ празднествахъ. Къ сожалѣнію, баталіонъ пробылъ здѣсь не долго и 8-го января двинулся въ г. Ольты. Колесный обозъ весь безъ исключенія, вслѣдствіе полученнаго приказанія, оставленъ былъ на мѣстѣ, а взамѣнъ его, баталіонъ получилъ изъ Гассанъ-Кала 125 верблюдовъ. Рано утромъ, въ страшный морозъ, баталіонъ выступилъ въ походъ. Первая станція прошла благополучно. Сперва пришлось идти по большой дорогѣ, соединяющей Карсъ съ Эрзерумомъ, но на другой день баталіонъ своротилъ съ нея влѣво, и здѣсь началась пытка: ни колеи, ни тропинки, ни малѣйшаго признака дороги. Кругомъ, насколько могъ охватить глазъ, разсти-



далась огромная снѣжная равнина, пересѣкаемая иногда глубокими оврагами. Пришлось брать проводниковъ (понятно—наильно). И вотъ колонна приняла престранный видъ: во главѣ шель проводникъ, ощупывая палкой дорогу, за нимъ человекъ 20 солдатъ, по-смѣнно, протапывали путь, а за ними весь баталіонъ—справа по одному. Но, благодареніе Богу, и второй день прошель счастливо; баталіонъ добрель до села Маслогатъ часовъ въ 12 ночи, не заморозивъ ни одного солдата и не бросивъ ни одного верблюда. Отъ этого села начинался Маслогатскій переваль, столь памятный для всѣхъ, кто имѣлъ несчастіе побывать на немъ.

Еще съ вечера поднялась выюга, а къ утру она усилилась до того, что даже и въ селѣ, прижавшемся подъ защиту скаль, было невыносимо. Юзбашъ увѣряль, что перейти хребетъ и въ хорошую погоду крайне трудно, а теперь объ этомъ думать нечего, но баталіонный командиръ имѣль предписаніе двигаться безостановочно, такъ какъ на Ольты ждали нападенія турокъ и каждая минута была дорога. Въ силу такого положенія дѣль, капитанъ Левинскій, рѣшилсѣ идти далѣе и приказаль юзбашу набрать человекъ 40 рабочихъ. Юзбашъ наотрѣзь отказалсѣ, говоря, что во всемъ селѣ съ трудомъ найдетсѣ 6-ть мужчинъ. Тогда капитанъ Левинскій послаль поручика Тхоржевскаго съ нѣсколькими солдатами набрать во чтобы ни стало рабочихъ. Черезъ три четверти часа болѣе 40 человекъ съ лопатами и метлами въ рукахъ были готовы къ работѣ. Приготовленія эти отняли у насъ много времени. Нако-

нецъ, баталіонъ двинулся въ путь, предшествуемый толпой турокъ — рабочихъ, протапывавшихъ дорогу. Лопаты они побросали, потому что держать ихъ въ рукахъ, на такомъ сильномъ морозѣ, было свыше всякой возможности. Впереди ползъ на колѣняхъ проводникъ, а за нимъ остальные турки протапывали дорогу, за этими послѣдними тянулся гуськомъ баталіонъ. Верблюды съ погонщиками и ихъ прикрытіе составляли хвостъ колонны. Тропинка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ спускалась ниже общаго уровня снѣга аршина на 2 или на 3. Едва верблюдъ оступался съ нея, какъ проваливался въ рыхлый снѣгъ и его по необходимости приходилось бросать. Черезъ нѣсколько часовъ, измученные и полузамершіе люди остановились на привалѣ. Тутъ холодъ дошелъ до такой степени, что приходилось дышать черезъ что нибудь, а иначе легко можно было задохнуться. Между тѣмъ, верблюды не взошли даже и на четверть подъема, пришлось ихъ дожидаться. Къ счастью, прибѣжали погонщики и объявили наотрѣзъ, что верблюды не могутъ идти на перевалъ; въ противномъ случаѣ, всѣ погибнутъ. Дѣйствительно, внизу чернѣлись занесенные снѣгомъ какіе-то бугры. Это были брошенные верблюды. Положеніе становилось безвыходнымъ. Мятель все усиливалась: въ 5-ти шагахъ нельзя было разглядѣть человѣка. Двигаться дальше — значило идти на вѣрную гибель. Ничего не оставалось болѣе, какъ вернуться въ Маслагать. Печальными послѣдствіями похода были: 24-ре болѣе или менѣе серьезно обмороженныхъ солдатъ, два офицера и



всѣ турки-работіе; одинъ изъ нихъ замерзъ въ дорогѣ, и его только принесли на другой день. Кромѣ того, 18 верблюдовъ пришлось оставить на произволь судьбы. Обо всемъ случившемся баталіонный командиръ донесъ начальнику засаганлугскаго отряда генералу Гейману. На другой день вьюга немного унялась и командиръ баталіона, оставивъ съ 4-й ротой штабсъ-капитана Бобоѣдова, верблюдовъ и обмороженныхъ людей, перевалилъ хребетъ и спустился въ Веранъ-Кала. Отсюда открывалась очаровательная картина. Внизу, убранный молодой зеленью, журчалъ серебристый ручей. Ярко блестѣли на солнцѣ разноцвѣтные ковры цвѣтовъ... Отовсюду вѣяло душистой свѣжестью распускающейся весны. Всѣ ожили, ободрились и вздохнули свободнѣй. Черезъ два перехода баталіонъ былъ уже въ Ольтахъ.

Не смотря на теплый и здоровый климатъ, и этотъ благодатный уголокъ Турціи не былъ забытъ тифомъ: баталіонъ оставилъ здѣсь 300 больныхъ нижнихъ чиновъ.

18-го марта баталіонъ изъ Ольтъ выступилъ въ г. Эрзерумъ. Дорога была убійственная, но никто не хотѣлъ отстать отъ своихъ, — едва передвигавшіе ноги, больные солдаты ни за что не хотѣли остаться, увѣряя что будутъ въ силахъ перенести походъ. Колонна имѣла странный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, трогательный видъ. Всѣ больные ѣхали на ишакахъ, буйволахъ и др. животныхъ. Изъ Эрзерума баталіонъ выступилъ 28 марта на соединеніе съ полкомъ въ селеніе Тудо-Веранъ, куда прибылъ 2-го апрѣля и расположился въ ближайшихъ

къ этому селенію, деревняхъ. 11 апрѣля полкъ, въ полномъ составѣ баталіоновъ, выступилъ въ Карсъ, для передвиженія въ Харьковскій военный округъ и съ 11 по 13-е апрѣля слѣдоваль до селенія Алиджага-кракъ, гдѣ, по невозможности дальнѣйшаго движенія (мостъ черезъ Араксъ былъ разрушенъ), оставался до 20 апрѣля. 20 числа переправился черезъ Араксъ по Киприкейскому мосту и, продолжая выступленіе по Зивинскому тракту, прибылъ въ г. Карсъ 30 апрѣля.

3-го мая полкъ выступилъ изъ Карса въ лагерь пр. сел. Чифтликей, гдѣ, въ числѣ остальныхъ полковъ дивизіи и 40-й артиллерійской бригады, простоялъ до 18 сентября. Во всѣхъ отношеніяхъ удачно выбранный лагерь, питательная пища, весенній воздухъ, роскошная растительность, все это благотворно повліяло на здоровье солдатъ: болѣзненность прекратилась и люди, быстро поправляясь, набирались свѣжихъ силъ. Обыкновенная лагерная жизнь вступила въ свою колею. Стали прибывать запасы. Въ концѣ лагернаго сбора 40-я дивизія, по донесенію генераль-лейтенанта Шатилова, располагала 10-ю тысячами здоровыхъ, вполне готовыхъ къ бою, людей.

18-го сентября полкъ выступилъ изъ лагеря, для слѣдованія въ г. Харьковъ, куда прибылъ 12 октября.

Этимъ заканчивается боевая дѣятельность Кутаисскаго полка въ Русско-Турецкую войну 1877—78 г.

---



## ПРИЛОЖЕНІЯ.

*Къ 20-му сентября.*

Смерть подпоручика Старовѣрова, прапорщика Тимофеева.—Рядовой 2-й стрѣлковой роты Шмелевъ.—Кузнецъ нестроевой роты Карлъ Фуръ.

Смерть Старовѣрова полна потрясающихъ подробностей. Сначала онъ былъ раненъ въ бедро, но только что раненнаго положили на шинель, какъ другая пуля попала въ животъ. Рана была смертельная, но Старовѣровъ переносилъ ее съ удивительнымъ мужествомъ, не теряя ни на минуту сознанія. Почти цѣлыя сутки мучился несчастный юноша и съ послѣдними словами, обращенными къ поручику Бафталовскому: „передайте деньги матери“,—сошелъ въ безвременную могилу...

Всѣ: начальство, сверстники, солдаты—глубоко о немъ сожалѣли.

Прекрасный строевой офицеръ, прекрасный товарищъ, онъ былъ до самоотверженія преданнымъ сыномъ для своей матери, оставшейся безъ средствъ, съ кучей малолѣтнихъ дѣтей.

Старовѣровъ жилъ въ высшей степени скромно и, отказывая себѣ подчасъ въ самомъ необходимомъ, помогалъ ей изъ своихъ скудныхъ крохъ...

Бѣдная мать лишилась единственной поддержки, лишилась того, кто, приковывая ея любовь, составлялъ всю гордость, всю радость горемычнѣй, обездоленной жизни...

\* \*  
\*

Прапорщикъ Тимофеевъ, прибывшій въ полкъ въ числѣ другихъ подпрапорщиковъ изъ Чугуевского юнкерскаго училища, не задолго передъ тѣмъ былъ произведенъ въ офицеры. Онъ былъ отличный стрѣлокъ и всегда первый открывалъ огонь. 20-го сентября Тимофеевъ взялъ у раненнаго ружье, поставилъ прицѣль на 1,200 шаговъ и, открывъ ротъ \*), стоя приложился, но не успѣлъ нажать пальца на спускъ, какъ палецъ мертвый: пуля попала въ ротъ, не задѣвъ ни одного зуба.

\* \*  
\*

Рядовой 2-й стрѣлковой роты Шмелевъ былъ раненъ въ голову.

— Ты что-же не идешь на перевязочный пунктъ? спросилъ ротный командиръ.

— Ваше благородіе, умолялъ Шмелевъ: я останусь въ ротѣ—все спокойнѣй, а тамъ Богъ знаетъ, что будетъ...

Кой-какъ ему перевязали рану и—въ продолженіи трехдневнаго Аладжинскаго боя, онъ оставался въ строю...

Шмелевъ получилъ знакъ отличія военнаго ордена.

---

\*) Какъ извѣстно, это одинъ изъ способовъ взять прицѣльную линію на такую дистанцію.



Описывая дѣло 20-го сентября, нельзя не упомянуть о кузнецѣ нестроевой роты, Карлѣ Фурѣ. Отпросившись у своего ротнаго командира, оставшагося съ обозомъ въ Караялѣ, — участвовать въ бою, Фуръ (полякъ) пустился вѣлѣдъ за полкомъ. Но такъ какъ полкъ находился подъ Большими Ягнами, то любителю подраться съ турками пришлось исколесить верстъ 30. Въ пылу воинственнаго увлеченія, онъ забылъ взять съ собою шинель и сухари; главное — сухари, потому что Фуръ очень любилъ поѣсть и въ ротѣ получалъ двойную порцію хлѣба. Явившись къ командиру 9-й роты, штабсъ-капитану Чижову, Фуръ попросилъ у него позволенія „пострѣлять трошки турокъ“.

Тотъ ему позволилъ; обрадованный кузнецъ снялъ съ плеча ружье, продѣлалъ все уставныя приемы „плавной прикладки“ и сталъ стрѣлять. Во всѣхъ его движеніяхъ не было замѣтно ни малѣйшей суетливости, все онъ дѣлалъ хладнокровно, не торопясь, не обращая ровно никакого вниманія на падающія вокругъ пули.

Не смотря на голодъ и холодъ ночью, вольный стрѣлокъ и на другой день не хотѣлъ вернуться въ лагерь, не убивши, по его словамъ, ни одного, даже „плоховенькаго“, турка.

---

Къ 24-му октября.

Штабсъ-капитанъ Дыньковъ. — Поручикъ Шергинъ. — Унтеръ-офицеръ Скобцовъ. — Подпоручикъ Полисадовъ и арабистанецъ. — Смѣлый турокъ. — Безкорыстіе солдатъ.

Штабсъ-капитанъ Дыньковъ, какъ и другіе ротные командиры стрѣлковыхъ ротъ, представлялъ образецъ стрѣлковаго офицера: храбрый, находчивый, распорядительный, онъ обладалъ еще особеннымъ даромъ вдохновлять солдатъ. Тутъ ему не было равнаго. Идемъ — бывало въ походѣ. Жаръ, пыль, духота. Не слышно ни пѣсень, ни шутокъ. Каждый только и думаетъ, какъ-бы поскорѣй доплетись до станціи и завалиться на отдыхъ. Но стоитъ только Дынькову бросить два-три слова — и все сразу ожили: пойдутъ пѣсни, хохотъ, а какой-нибудь „ухачъ“ вылѣтитъ козыремъ и, какъ есть, съ ружьемъ, съ полтора пудовымъ ранцемъ на плечахъ, отхватитъ такого залихватскаго трепака, что забудешь усталость, жаръ — и все на свѣтѣ. Солдаты боготворили Дынькова. О его удали, молодечествѣ ходило много разказовъ...

Въ бою онъ оставался вѣренъ себѣ: 20 сентября, напримѣръ, подъ проливнымъ дождемъ пуль, спокойно и какъ-то необыкновенно просто разгуливалъ онъ по цѣпи; подойдетъ къ одному, другому, покажетъ, что нужно, и тутъ-же, между дѣломъ, отпуститъ шутку. Солдаты такъ и покатываются со смѣху...



24-го октября Дыньковъ командовалъ 2-мъ баталіономъ, и чуть было не погибъ. Вотъ какъ это было.

Покончивъ съ Хафисомъ, полковникъ Оадѣевъ приказалъ ему послать унтеръ-офицера къ командующему 1-мъ баталіономъ и передать, чтобъ тотъ началъ отступать въ Визинкевъ. Дыньковъ самъ взялся передать приказаніе и, сбѣгая съ бруствера, былъ тяжело раненъ навзлетъ въ лѣвое легкое.

Не видя вокругъ себя никого, кто-бы могъ подать ему первую помощь, онъ заткнулъ рану платкомъ и направился въ лагерь. Но, пройдя версты полторы, выбился изъ силъ и упалъ, истекая кровью.

Такъ пролежалъ-бы онъ долго, и одно изъ двухъ: или-бы умеръ, или его (что всего вѣроятнѣе), добились турки, но счастливая случайность спасла Дынькова...

Отступая къ Визинкеву, слышимъ невдалекѣ, кто-то стонетъ. Бросаемся туда... весь окровавленный, безъ чувствъ, лежитъ Дыньковъ. Хотѣли перевязать его,—но, какъ на грѣхъ, ни у кого не оказалось санитарной книжки, а носовой платокъ малъ—нельзя перехватить грудь. Дѣлать нечего, перевязку пришлось отложить до Визинкева.

Дынькова положили на шинель и понесли въ лагерь.....

Утромъ мы вошли къ нему въ палатку—и испуганно переглянулись: такъ онъ страшно измѣнился за нѣсколько часовъ!

Громадная мертвенно-блѣдная опухоль покрыла все лицо... Изъ-за ввалившихся глазъ едва виднѣлись чер-

ныя точки зрачковъ. Дыньковъ учащенно дышалъ, какъ будто изъ палатки выкачивали воздухъ и онъ боялся задохнуться. Подлѣ стоялъ деньщикъ и тихо всхлипывалъ...

Все говорило о близкой смерти дорогаго товарища. Минуть 5-ть лежалъ онъ въ забытїи; потомъ, замѣтивъ насъ, весь просіялъ. Одинъ изъ насъ, нагнувшись низко къ изголовью, спросилъ его о здоровьѣ. Онъ закивалъ головой: пустяки, дескать, и тутъ-же преуморительными знаками (ему запрещено было говорить) сталъ передавать, что было вчера... Онъ все болѣе и болѣе оживлялся, приподнялся на постели, сколько могъ, и чуть слышнымъ шопотомъ, поминутно захлебываясь, рассказалъ подробности штурма.

„Не надо, не надо! замолчи!“ пробовали мы его остановить, видя какихъ усилій стоитъ ему каждое слово... Но онъ не слушалъ...

Эта насмѣшка надъ жизнью—насъ окончательно уничтожила: мы улыбались сквозь слезы.

Скоро пришелъ докторъ и попросилъ насъ удалиться... Мы повиновались и съ тяжелыми мыслями оставили Дынькова. Въ тотъ-же день его отправили въ Александропольскій госпиталь. Доктора говорили, что дни его сочтены. Слава Богу, пророчества ихъ не сбылись: къ общей нашей радости, онъ до сихъ горь здравствуетъ и служитъ въ 93-мъ кадровомъ баталіонѣ. За Хафиское дѣло Дыньковъ награжденъ Георгіемъ 4-й ст. и золотымъ оружіемъ.

\* \* \*

Поручикъ Шергинъ, дѣлопроизводитель по хозяй-



ственной части, въ дѣлѣ 24 октября находился ординарцемъ при полковникѣ Ѡадѣевѣ.

Канцелярскія занятія, за которыми онъ проводилъ дни и ночи, не позволяли ему принимать участіе въ дѣлахъ. Но, не смотря на то, онъ постоянно рвался въ бой. Товарищи его уговаривали. Начальство не пу- скало. Онъ не хотя уступалъ. Но 24-го октября Шер- гинъ ни за что не хотѣлъ отстать отъ полка и, послѣ неотступныхъ просьбъ, Ѡадѣевъ рѣшился его взять къ себѣ въ ординарцы.

При штурмѣ Хафиса, онъ былъ раненъ въ кисть лѣвой руки. Рана, съ виду незначительная, имѣла ги- бельныя послѣдствія; Шергинъ долго болѣлъ и умеръ въ Сердобскѣ, гдѣ онъ служилъ, послѣ кампаніи, дѣлопроиз- водителемъ при управленіи мѣстн. воинскаго начальника.

\* \* \*

При отступленіи съ Хафиса, унтеръ-офицеръ, 1-й стрѣлокъ, Скобцовъ, былъ смертельно раненъ въ грудь...

Трое солдатъ подбѣгаютъ къ нему.

— Иванъ Егорычъ, дозвольте—мы васъ на шине- ляхъ понесемъ.

— Спасибо, братцы!.. Спасибо... вамъ и безъ ме- ня есть... чего... нести, тяжело задыхаясь, отвѣчаетъ Скобцовъ...

— Иванъ Егорычъ, да неужли мы васъ бросимъ?.. Неравно наскочутъ окаянныя...

— Нѣтъ, ребяташки, я самъ... Дойду—ладно... а нѣтъ—лягу здѣсь!... Все одно помирать... Вотъ хрестикъ... снимите...

Сколько его ни упрасивали, сколько его ни умоляли—Скобцовъ остался непоколебимъ и... погибъ, царство ему небесное!...

\* \*  
\*

Арабистанецъ, съ ятаганомъ въ рукѣ, бросается на подпоручика Полисадова. Тотъ ловкимъ ударомъ сабли выбиваетъ ятаганъ. Разъяренный турокъ, съ остервенѣлымъ крикомъ: „гяуръ! гяуръ!“ хватаетъ за горло Полисадова. Завязывается отчаянная борьба... Оба валятся на землю... Солдатъ, наткнувшись на эту сцену, замахивается прикладомъ, но... тяжеловѣсный ударъ приходится по плечу Полисадову.

— Что ты? что ты?

— Виноватъ, ваше б—діе, ничего не видать!

Одинъ мигъ—и храбраго турка не стало...

\* \*  
\*

Турокъ, отдѣлившись отъ кучи своихъ, наскакиваетъ на полковника Өадѣва. Стоявшіе возлѣ солдаты схватываютъ и впихиваютъ его въ толпу плѣнныхъ.

Турокъ все не унимается и пытается снова кинуться на Өадѣва. Это, наконецъ, взорвало Өадѣва: онъ замахивается кулакомъ (у полковника не было въ рукахъ никакого оружія)... Солдаты скрутили молодца, и только приказаніе Өадѣва спасло его отъ смерти.

\* \*  
\*

Часть Хафискаго гарнизона (объ этомъ уже говорилось въ своемъ мѣстѣ) скрылась въ лагерь, что былъ



позади укрѣпленія \*)... Нѣсколько солдатъ, замѣтивъ въ одной палаткѣ огонь, вошли. Глядятъ—сидитъ турецкій офицеръ и въ попыхахъ укладываетъ деньги. (Они наткнулись на полевое казначейство). Офицеръ хотѣлъ было стрѣлять, но его скоро „прикончили“. Одинъ изъ солдатъ схватилъ шкатулку съ деньгами, потомъ подумаль-подумаль, да какъ хватить объ землю!

Шкатулка разлетѣлась въ дребезги. Полуимперіалы рассыпалась.

— Ты зачѣмъ ее бросилъ? съ недоумѣніемъ спрашиваетъ другой.

— „Зачѣмъ?“ сердито передразниваетъ провинившійся: затѣмъ, что меня родители не благословляли брать чужое добро.

— Вѣстимо! Вотъ наше добро: возьми замокъ, знамя—и спасибо скажутъ, и наградятъ, вставляетъ кто-то...

Можно сказать, безъ боязни впасть въ преувеличеніе, что солдаты, въ особенности въ дѣлѣ 24 октября, вели себя замѣчательно безкорыстно: не было замѣтно ни малѣйшей жажды къ наживѣ, а ее, къ слову сказать, валялось пропасть. Правда, „въ семьѣ не безъ уroda“, попадались, въ видѣ печальнаго исключенія, случаи противоположнаго свойства. Но не объ нихъ рѣчь. Всѣ, начиная отъ офицера и кончая послѣднимъ солдатомъ, были проникнуты однимъ желаніемъ—съ честью побѣдителей выйти изъ боя.

---

\*) Случай этотъ передаемъ со словъ полковника Фадѣева.

*Къ штурму Карса.*

Подпоручикъ Полисадовъ.—Случай съ прапорщикомъ Ржевскимъ.—Поручики: Царевскій, Зыковъ и подпоручикъ Половцевъ.—Сердобольный солдатъ.—Фельдфебеля: Черкасовъ, Черноморкинъ, Шевченко и Морозовъ.

Утромъ, нѣсколько офицеровъ, розыскивая Полисадова, наткнулись, между Карадагомъ и Арабомъ, на сильно обезображенный и обнаженный трупъ. Никто не могъ узнать въ немъ красиваго, цвѣтущаго юношу; только случайно подошедшій докторъ, замѣтивъ на нижнемъ бѣльѣ буквы: „Н. и П.“, сказалъ, что они, навѣрное, нашли своего товарища. Да, онъ говорилъ правду: предъ ними лежалъ Полисадовъ. Горько оплакивали мы его тяжелую кончину! Храбрый, неустрашимый Полисадовъ былъ любимецъ нашего общества; въ бой шелъ, какъ на праздникъ: весело, всегда шутилъ и оживлялъ другихъ. Но за нѣсколько часовъ до штурма, онъ, противъ своего обыкновенія, грустно и молча расхаживалъ вдоль палатокъ...

— Что съ тобой? ты на себя не похожъ? обратились къ нему товарищи: заходи-ка къ намъ...

Онъ вошелъ—мрачный, задумчивый и заговорилъ видимо совершенно спокойно:

— Ничего особеннаго, господа. Мнѣ кажется—я сегодня буду убитъ.

— Вотъ вздоръ какой! это всякому кажется.

— Нѣтъ, нѣтъ не говорите такъ!—съ жаромъ перебилъ онъ. Я никогда этого прежде нечувствовалъ;



а теперь меня вотъ такъ и давить...—Онъ не договорилъ, поникъ головой и призадумался. Всѣ молчали.

— Вѣдь, что скверно—началь онъ снова:—будь я одинъ,—ей Богу мнѣ все равно, а то семья... мать... Въ его голосѣ слышалось сильное волненіе.—Э, да что толковать! Хотите, я вамъ сейчасъ докажу, что мое предчувствіе сбудется...

Онъ вскочилъ, вынулъ изъ бумажника двугривенный....

— Вотъ смотрите: брошу его кверху, орель—убьютъ, рѣшетка—останусь живъ.

Монета звякнула объ землю.

— А! видите, видите: орель! Я вамъ говорилъ.—Онъ какъ будто торжествовалъ.

„Пошелъ—выходи на линейку...“ раздалось по лагерю: люди засуетились.

Стали прощаться. Товарищи разцѣловались.—Прощайте, друзья! закричалъ онъ на бѣгу: можетъ быть увидимся... на томъ свѣтѣ.

— — —

За штурмъ Хафиса онъ былъ представленъ къ Георгію 4-й степени, но безжалостная судьба рѣшила иначе...

\* \* \*

Съ прапорщикомъ Ржевущимъ, при штурмѣ Карса, былъ точно такой-же случай, какъ и съ поручикомъ Полисадовымъ 24 октября. Ржевущій выбиваетъ у турка ружье. Турокъ, съ быстротой кошки, бросается на него. Противники долго борются и, охвативъ

одинъ другаго, валятся на землю. Въ нѣсколькихъ шагахъ дерется унтеръ-офицеръ. Ржевуцкій зоветъ его на помощь. Пока подбѣгаетъ тотъ, солдатикъ—тутъ—какъ тутъ: замахнулся прикладомъ и ударилъ по плечу Ржевуцкаго.

— Виновать, ваше благородіе, простите! Извиняется солдатикъ и спѣшитъ загладить свою ошибку: турокъ затрепеталъ въ предсмертныхъ судорогахъ....

\* \*  
\*

Преслѣдуя турокъ въ городъ, поручикъ Царевскій, контуженный въ голову, упалъ замертво. Его понесли на носилкахъ.

На дорогѣ онъ очнулся, вскочилъ и побѣжалъ за ротой.

\* \*  
\*

Поручикъ Зыковъ и подпоручикъ Поповцевъ, при штурмѣ Карадага, были контужены въ голову: оба упали безъ чувствъ. Ихъ считали уже мертвыми, но, каково-же было наше радостное изумленіе, когда они, блѣдные, перевязанные, пришли утромъ на Карадагъ. Оба сильно пострадали отъ контузіи, въ особенности Поповцевъ: онъ такъ ослабѣлъ и такъ былъ потрясенъ (гранатой ему опалило волосы на головѣ), что мы убѣдили его отправиться въ лазаретъ. Поручикъ Зыковъ остался въ строю. За штурмъ Хафиса онъ награжденъ Георгіемъ 4-й степ.; Поповцевъ—за штурмъ Карса—Владиміромъ.

\* \*  
\*



Маленькій, тощенькій солдатъ обезоружилъ двухъ здоровенныхъ турокъ. Солдатъ предлагаетъ имъ сдаться. Тѣ и слышать не хотятъ: нахально лѣзутъ въ драку... „Эй, усманъ, не тронь: ей Богу заколо“, уговариваетъ ихъ солдатъ, но не колетъ: жалко; „усманы“ не унимаются.

— Ваше благородіе, дозвольте вамъ доложить— обращается солдатъ къ поручику Серженко:— вотъ у этихъ отбилъ ружья. Говорю: сдавайтесь, а они на меня—съ кулаками. Что прикажите дѣлать?

— Вей ихъ, коли такъ!

— Слушаю. Солдатъ только хотѣлъ было пустить въ дѣло штыкъ; турки—на колѣни.

— Ну, вотъ такъ-то лучше: айда за мной.

\* \*

\*

Какъ уже было сказано при описаніи штурма Карса, горсть охотниковъ, лишившись своего безстрашнаго начальника, отступила отъ Арабъ-Табіе. Фельдфебель 9-й роты Петръ Черкасовъ, находившійся въ числѣ храбрецовъ, отходя къ Карадагу, замѣтилъ недалеко отъ себя, идущихъ къ нему на встрѣчу нѣскольکو человекъ.— Стой! Кто идетъ? Крикнулъ Черкасовъ.— Молчатъ, а все идутъ.— Онъ узнаетъ турокъ и вмигъ, подбѣжавъ къ нимъ, двухъ положилъ на мѣстѣ ударами сабли, третьяго-же, бросившагося на него, повалилъ на землю и застрѣлилъ. Оставшихся въ живыхъ, двухъ офицеровъ Черкасовъ взялъ въ плѣнъ и, приведши на Карадагъ, сдалъ поручику Архангельскому 2-му. За та-

кой подвигомъ этотъ лихой фельдфебель былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена 2-й степени.

При штурмѣ Карса 3-мъ баталіономъ командовалъ командующій 12-й ротой поручикъ Квятковскій; фельдфебель Семень Черноморкинъ остался за ротнаго командира. Какъ только баталіоны бросились на траншею, соединяющую Карадагъ съ Хафисомъ, онъ, находясь все время впереди роты, увлекъ людей на линію охотниковъ и затѣмъ, перескочивъ черезъ рогатки съ 22-мя нижними чинами, преслѣдовалъ по пятамъ непріятеля, засѣвшаго частью за мѣстными закрытіями, а частью скрывавшагося въ палаткахъ. Прокладывая себѣ путь все дальше, удалцы незамѣтно уклонились влѣво отъ Карадага и подошли къ форту Инглизъ-Табіе. Тутъ они встрѣтились съ лицомъ къ лицу съ толпою непріятеля, на которую, недолго думая, кинулись въ штыки. Въ то время, какъ шла жестокая схватка, на фельдфебеля Черноморкина напало двое турокъ: одного онъ положилъ на мѣстѣ выстрѣломъ изъ револьвера, а другаго — нанесшаго ему незначительную рану въ лицо, зарубилъ саблею. Уничтоживши непріятеля и взявъ съ собою въ плѣнъ одного офицера, 6-ть нижнихъ чиновъ, отважная команда направилась по берегу Карсъ-Чая къ Арабъ-Табію; но встрѣченная здѣсь сильнымъ перекрестнымъ огнемъ и тѣснимая многочисленными колоннами наступающаго непріятеля, она должна была отойти къ Карадагу, занятому уже Кутаисцами, гдѣ и сдала плѣнныхъ. Кромѣ того, фельдфебель



Черноморкинъ принесъ съ собой замокъ отъ дально-бойнаго орудія. Черноморкинъ награжденъ знакомъ отличія 2-й степени.

\* \* \*

Фельдфебель Никита Шевченко поступилъ въ полкъ передъ войной, изъ отставки. За отличія, оказанныя въ дѣлахъ съ горцами, онъ имѣлъ знаки военнаго ордена 3-й и 4-й ст. Боевая опытность, строго правдивое, сердечное отношеніе къ подчиненнымъ расположило къ нему солдатъ. Офицеры его чрезвычайно уважали. При штурмѣ Карса, за недостаткомъ офицеровъ, Шевченко командовалъ 5 ротой и, конечно, распорядительностью, отвагой вполнѣ заслужилъ солдатскаго Георгія 1-й степени.

Шевченко былъ удостоенъ особой милости: главнокомандующій лично возложилъ на него эту высшую для нижнихъ чиновъ награду; при этомъ Его Высочество изволилъ замѣтить, что ему приходится въ первый разъ лично награждать знакомъ отличія 1-й ст. За военные отличія Шевченко былъ представленъ и награжденъ первымъ офицерскимъ чиномъ, но эта новая награда застала почтеннаго воина въ могилѣ: онъ умеръ отъ тифа.

\* \* \*

\*

Фельдфебель 3-й роты Иванъ Морозовъ, находящійся на службѣ 25 лѣтъ, всегда обращалъ на себя вниманіе примѣрнымъ мужествомъ, хладнокровіемъ и большимъ умѣньемъ увлекать солдатъ. Онъ имѣетъ всѣ 4 ст. военнаго ордена и, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ, служитъ до сихъ поръ въ полку.

## П Р И К А З Ы

**Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго Кавказской арміи.**

*Отъ 3 октября 1877 года, за № 1-мъ,  
отданный на Визинкевскихъ высотахъ.*

Войска дѣйствующаго корпуса!

„Сегодня вы одержали побѣду, васъ достойную. Разбитая армія, тысячи плѣнныхъ, десятки орудій.

Сегодня вы сослужили новую славную службу Царю и Россіи.

Благодарю всѣхъ начальниковъ и офицеровъ, свято исполнившихъ свой долгъ. Вамъ-же, солдаты, гордость русскаго имени,—вамъ Царское „ура“ прогремитъ отъ одного края родины до другаго.

Подлинный подписалъ: главнокомандующій генералъ-фельдцейхмейстеръ **МИХАИЛЬ**“.

*За № 2-мъ, отданный въ сел. Тикма,  
близъ Карса.*

„Въ собственноручномъ письмѣ, полученномъ мною сегодня отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, по случаю побѣды, одержанной вами, войска дѣйствующаго корпуса, 3-го сего октября, на Аладжинскихъ высотахъ, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, угодно было выразить:



Еще разъ повторяю тебѣ Мое сердечное спасибо, равно и всѣмъ генераламъ, штабъ-и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ этомъ славномъ бою. Передавая вамъ, войска дѣйствующаго корпуса, это Царское спасибо, я счастливъ увѣренностью, что вы его заслужили и будете всегда его достойны.

Подлинный подписалъ: главнокомандующій генераль-фельдцейхмейстеръ *МИХАИЛЬ.*“

---

*Отъ 26 августа 1878 г., за № 491-мъ.*

Вступленіемъ вчерашняго числа въ Батумъ окончились боевые труды ваши, войска Кавказской арміи!

На высотахъ Аладжи, Драмъ-Дага и Деве-Бойну, на веркахъ Ардагана и Карса, подъ стѣнами Эрзерума и Баязета и въ горныхъ трущобахъ Аджаріи, Кабулета, Чечни, Дагестана вы закрѣпили свою вѣковую славу!

Теперь съ миромъ и чистою совѣстью на отдыхъ!— Расходясь съ боеваго поля, вы уносите съ собою сознаніе честно выполненнаго долга и заслуженную признательность отечества!

Послѣднему солдату въ вашихъ рядахъ извѣстно, какъ гордится вами вашъ главнокомандующій.

Спасибо вамъ еще разъ за всѣ ваши геройскіе подвиги, за вашу тяжелую трудовую службу, за вашу стойкость въ лишеніяхъ, за ваше безпредѣльное самоотверженіе.

*МИХАИЛЬ.*

**Командующаго дѣйствующимъ корпусомъ на  
Кавказско-Турецкой границѣ.**

*Отъ 28 февраля 1878 г., за № 105.*

По волѣ ВЕЛИКАГО вашего ГОСУДАРЯ, война съ Турціей окончена, и 19 февраля заключенъ миръ.

**Боевые сподвижники!**

„Съ 12-го апрѣля прошлаго года много оказано вами отличій, много вынесено неимовѣрныхъ трудовъ, но за то вы достигли сердца Малой Азіи и почти вся взятая вами съ боя земля присоединена къ Россійской державѣ. Поздравляю васъ съ окончаніемъ славы войны и съ блестящимъ миромъ. Вы честно и героически выполнили слова, съ которыми я обратился къ вамъ въ день открытія военныхъ дѣйствій: подъ знаменами вашихъ отцовъ и дѣдовъ вы снова закрѣпили громкую славу вашихъ частей, доказавъ Россіи и всему міру, что въ вашихъ жилахъ течетъ та самая богатырская кровь, которая не разъ являла чудеса храбрости. До пяти сотъ взятыхъ вами орудій и десятки тысячъ плѣнныхъ турецкихъ солдатъ—служать тому доказательствомъ. Овладѣніе штурмомъ крѣпости Ардагана, дѣйствія Эриванскаго отряда и двадцати трехдневная оборона осажденнаго Баязета, разгромъ Анатолійской арміи на Аладжѣ, штурмъ неприступной крѣпости Карса, разбитіе соединенныхъ силъ Мухтара и Измаила пашей на Деве-Бойну и, наконецъ, безпримѣрная по громаднымъ, изумившимъ даже непріятеля,



трудностямъ, среди жестокой зимы, въ безлѣсной мѣстности и на высотѣ 7,000 футовъ, строгая блокада Эрзерума и другіе ваши подвиги—будутъ записаны золотыми буквами въ лѣтописи военной исторіи. Не мнѣ быть цѣнителемъ вашихъ заслугъ и доблестей: за десять мѣсяцевъ непрерывныхъ военныхъ дѣйствій не разъ заслужили вы дорогое Царское „спасибо“, благодарность нашего Августѣйшаго главнокомандующаго и благословеніе всѣхъ русскихъ людей.

Отнесясь съ высокимъ и неизгладимымъ въ памяти моей уваженіемъ къ вашимъ боевымъ достоинствамъ и понесеннымъ трудамъ, я отъ глубины души благодарю Провидѣніе за ниспосланное мнѣ счастье съ начала и до конца войны—быть во главѣ дѣйствующаго корпуса, достойнаго преемника старыхъ Кавказскихъ бойцевъ. Помянемъ вмѣстѣ, товарищи, вѣчною памятью тѣхъ братьевъ нашихъ, коимъ Господь не судилъ дожить до минуты славнаго мира,—воздадимъ дань благоговѣйнаго уваженія семьямъ, осиротѣвшимъ послѣ войны, а когда судьба вернетъ насъ къ семейному очагу, будемъ наставлять дѣтей нашихъ и внуковъ, чтобы и они, когда до нихъ дойдетъ чередъ, по первому слову Царя, шли умирать за Отечество и съ такою-же беззаветною готовностью, какою были преисполнены во все время войны всѣ чины вѣреннаго мнѣ корпуса отъ перваго до послѣдняго!

Генераль-адъютантъ *Лорисъ-Меликовъ.*

*По Карскому отряду, отъ 16-го  
сентября 1878 г., за № 190-мъ.*

„Полки 40-й пѣхотной дивизіи!

Война окончена, тяжелое время пережито, вы возвращаетесь на родину. Разставаясь съ вами, мнѣ становится тяжело; какъ будто я прощаюсь съ горячо любимыми дѣтьми.

Ваши геройскіе подвиги, ваше мужество и храбрость, ваша безавѣтная покорность судьбѣ при тяжелыхъ испытаніяхъ—заслуживаютъ удивленія и будутъ лучшимъ воспоминаніемъ моимъ до гробовой доски.

Не мнѣ благодарить за службу героевъ, изумившихъ міръ своими подвигами и завоевавшихъ себѣ неувядаемую славу безпримѣрнымъ штурмомъ Карса и въ другихъ дѣлахъ,—я только скажу вамъ, что буду считать себя вполне счастливымъ, если мои родныя дѣти будутъ такъ служить Царю и Отечеству.

Прощайте, съ Богомъ въ путь!

Генераль-лейтенантъ *Лазаревъ.*“



# СПИСОКЪ

гг. офицерамъ, участвовавшимъ въ минувшей войнѣ.

Ч И Н Ъ И Ф А М И Л І Я .

*Полковники:*

Александръ Евстафьевичъ Барановъ.

Семень Андреевичъ Оадѣевъ.

*Маіоры:*

Купріанъ Доминиковичъ Семелевичъ.

Михаилъ Цезаревичъ Кавецкій.

*Капитаны:*

Иванъ Викентьевичъ Левинскій.

Александръ Осиповичъ Моравскій.

*Штабсъ - капитаны:*

Сельвье Севериновичъ Ласскій.

Михаилъ Ивановичъ Лазинскій.

Василій Сергѣевичъ Троицкій.

Арсеній Яковлевичъ Афиновъ.

Иванъ Ивановичъ Чижовъ.

Петръ Ивановичъ Смольницкій.

Николай Николаевичъ Бобоѣдовъ.

Александръ Петровичъ Дыньковъ.

Адамъ Ивановичъ Бафталовскій\*).

*Поручики:*

Алексѣй Ивановичъ Адамантовъ.

Александръ Петровичъ Молюковъ.

Михаилъ Николаевичъ Шергинъ.

Владиміръ Павловичъ Шатиловъ.

---

\*) При описаніи дѣла 20 сентября ошибочно названъ: *поручикъ*.

Владиміръ Акимовичъ Смирновъ.  
Алексѣй Ивановичъ Царевскій.  
Викторъ Павловичъ Зыковъ.  
Константинъ Урбановичъ Чохрайскій.  
Николай Ильичъ Квятковскій.  
Илья Ивановичъ Сосфеновъ.  
Николай Петровичъ Архангельскій 1-й.  
Павель Петровичъ Веселовскій.  
Дмитрій Николаевичъ Архангельскій 2-й.  
Алексѣй Алексѣевичъ Серебряковъ.

*Подпоручики:*

Николай Ивановичъ Полисадовъ.  
Дмитрій Петровичъ Архангельскій 3-й.  
Николай Михайловичъ Бульвинскій.  
Викторъ Николаевичъ Турчаниновъ.  
Михаиль Павловичъ Кириловъ.  
Николай Александровичъ Серженко.  
Петръ Федоровичъ Ладыженскій.  
Александръ Сергѣевичъ Глаголевъ.  
Дмитрій Николаевичъ Поповцевъ.  
Павель Александровичъ Симоновъ.  
Андрей Трофимовичъ Старовѣровъ.  
Константинъ Николаевичъ Бековъ.  
Алексѣй Павловичъ Павловъ.  
Корнелій Владиславовичъ Тхоржевскій.  
Евгеній Евстафьевичъ Семашкевичъ.

*Прапорщики:*

Василій Андреевичъ Ковалевскій.  
Михаиль Васильевичъ Щекинъ.



Александръ Александровичъ Сафоновъ.  
Семень Прокофьевичъ Карановскій.  
Александръ Михайловичъ Моисеевъ.  
Николай Александровичъ Воротелякъ.  
Петръ Викторовичъ Ждановичъ.  
Николай Васильевичъ Ильинскій.  
Николай Михайловичъ Гриценко.  
Александръ Константиновичъ Ржевущкій.  
Леонидъ Николаевичъ Д'Авдрэ.  
Александръ Ивановичъ Шмигельскій.  
Александръ Николаевичъ Мельниковъ.  
Николай Дмитріевичъ Тимофеевъ.  
Петръ Степановичъ Аленниковъ.  
Иванъ Александровичъ Крыловъ.  
Авдрей Павловичъ Павловъ.

*Старшій врачъ:*

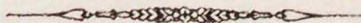
Александръ Дмитріевичъ Колпиковъ.

*Младшіе врачъ:*

Гурій Ивановичъ Рапидовъ.  
Иванъ Васильевичъ Смирницкій.  
Александръ Васильевичъ Подкопаевъ.

*Священникъ:*

протоіерей Николай Алексѣевичъ Гіацинтовъ.







## О П Е Ч А Т К И:

---

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
9	13 снизу	компанія	кампанія
		(опечатка эта повторяется на 50 стран. въ выносѣ)	
„	3 снизу	отъ (Александрополя) р. Арпачай,	р. Арпа-Чай,
17	13 снизу ...	они засѣли за камни,	они, засѣвъ за камни,
31	14 сверху	Поздно и броситься въ атаку—силъ мало,	Броситься въ атаку поздно и силъ мало,
		Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: Кутавсцы.                      Кутаисцы.	









